

к 24/2.Рос.Р.20/6
3-86

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 4
**ЗОРИ
САМОТЛЮРА**

НИЖНЕВАРТОВСК

2005

к 84(280с-24с) 6
3-86

ЗОРИ САМОТЛОРА №4 2005

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ – 60 лет

Нижневартовское
МУ "БИС" ✓
ИНВ. № 124874/5 - 1 - КО X

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ББК 84 (2 Рос-Рус)6

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
60-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Издание подготовлено при финансовой поддержке
администрации города Нижневартовска

Главный редактор М. К. Анисимкова

**Редакционная
коллегия:**

Кузьмина А. С. – руководитель
литературного объединения «Замысел»

Акимов В. Ю.

Исламуратова Е.Е.

Курач И.Г.

ISBN

Анисимкова М.К., 2005

Кузьмина А.С., 2005

ЗАО «Редакция газеты «Нефтяник»

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№4
2005 **ЗОРИ САМОТЛОРА**

ГОРОДСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЗАМЫСЕЛ»

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям. М. АНИСИМКОВА 6

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ – ПОЭТЫ-ФРОНТОВИКИ

Василий ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ	7
Константин СИМОНОВ	8
Юлия ДРУНИНА	10
Александр ТВАРДОВСКИЙ	13
Николай МАЙОРОВ	17
Алексей ФАТЬЯНОВ	18

ПРОЗА

Маргарита АНИСИМКОВА	
СОЛДАТКИ. Повесть	19
Павел БАРМИН	
Убитый дважды. Глава из романа.....	70
Альбина КУЗЬМИНА	
Фенины лапти. Рассказ	94
Свет звезды далекой. Рассказ.....	97

ПОЭЗИЯ

Павел ПЛЮХИН	
О той войне.....	53
Размышления.....	53
Сибирякам!.....	54
Солдаты... ..	55
В душе запахло осенью и снегом.....	55
Седина	56
Годы... ..	56
Гренада КУЗНЕЦОВА	
Опора	57
Лик победителя	57
Миг войны.....	58
Вернулся.....	58
Старости.	58
Всепобеждающей любви.....	59

Виктор КОЗЛОВ	
Радость в сердце пообвыкла.....	61
Мальчишки топчут лебеду.....	61
У счастливых – отцы приезжают.....	62
На фронте мы не воевали	62
Я из тех, кто сейчас вымирает	62
Конец века	63
Валерий АКИМОВ	
Голос из вечности. Поэма	64
Владимир АНДРЕЕВ	
Знамя Победы.....	82
Поздние слова.....	83
Конец войне.....	84
Светлана ЛИХАЯ	
Сорок второй.....	85
Бабушкина молитва.....	85
Друг мой, я живу в России	86
Хлеб.....	87
Леонид ШКОДА	
Мы снова пишем о войне.....	88
В бесконечной полуночной мгле.....	88
Память.....	89
Растили нас, конечно, строже.....	89
Ольга КОРОСТЫЛЕВА	
О бабушке.....	90
Мой город.....	90
Татьяна ДЖАРТЫ	
Жизнь и смерть, как течение реки	91
Людмила ДАНИЛОВА	
Не сберегли.....	91
Николай ЛЫСЕЙКО	
Обелиски	92
Ирина МАТЮШИНА	
Пусть придет столь долгожданный мир!.....	93
Екатерина ВОЛОДИНА	
Мы лишь кроны деревьев	101
Старое фото желтым листком.....	101
На чужой стороне пусть богаче живут.....	102
Знакомый почерк старых писем	102
Василий ЗОЗУЛЯ	
У памятника Жукову.....	103
Елена СЛИПЧЕНКО	
Как будто мало места в целом мире	103
Виталий ТАТАРИНЦЕВ	
Возвращается вкус хлеба	104
Наш счет с войною подвели.....	104
Милостыня.....	104

Борис РОМАНОВ	
Солдат Кавказа	105
Натали	106
Зинаида ТАРАСОВА	
Родной уголок	106
Поклон тебе, русский солдат	107
Мои деды	107
Мария ОШКИНА	
Девчонки	108
Когда над Великой страной	109
Александр ИЛЬЯШЕВИЧ	
Ветеранам Победы	109
Чтобы выросли крылья	110
Лидия ТАСКАЕВА	
Нам трудно судить с высоты поколений	110
Наталья ШКАТОВА	
Эхо памяти	111
Ниточка из прошлого	112
На жизненном пути, мой друг	
Владимир ФИЛИППОВ	
По существу иска. Поэма из цикла «Полигон»	113
ПУБЛИЦИСТИКА	
Сергей ДРЕСВЯНИН	
Война, стреляющая с экранов	118
Оксана РАССОХАЦКАЯ	
Особенности формирования и основные характеристики культуры русскоязычного населения Сибири	124
Лариса ТЕЛЕГИНА	
Яркий летописец эпохи	133
Наталья НЕРУШ	
Раскрываем книгу - открываем мир, или Заметки после праздника	139
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Василий ЗОЗУЛЯ	
Нравственность как основная этическая категория в романе «ЭХО» Маргариты АНИСИМКОВОЙ	144
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ	
ВИДИНЕЕВ Владимир Николаевич	150
КУРАЧ Николай Гаврилович	150
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ	
КОРОТКО О ПОЭТАХ-ФРОНТОВИКАХ	

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Очередной городской литературно-художественный альманах «Зори Самотлора» выходит в канун славного юбилея – 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, самого почитаемого праздника нашей страны. Открывается он стихами классиков советской литературы, поэтов-фронтовиков, очевидцев происходивших событий.

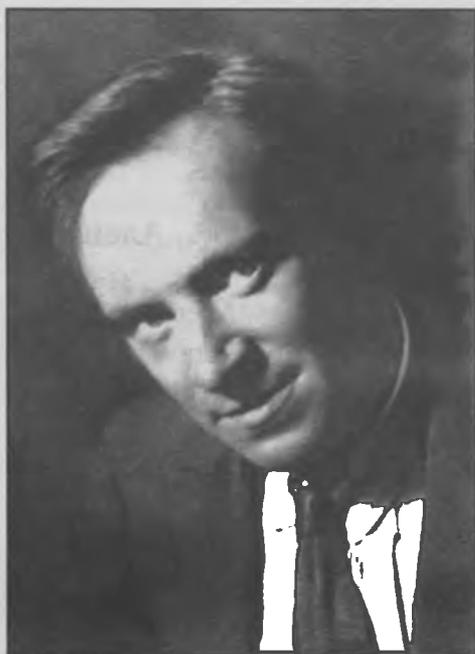
Наш народ в той страшной войне победил фашизм – самую челоноконенавистническую философию, философию уничтожения и разрушения личности, рассчитанную на убийство миллионов людей, презрительно отрицавшую понятия чести, совести, братства, на штандартах которой ядовито сверкали сатанинские заклинания «Убивать! Убивать! Убивать!».

Стихи поэтов-фронтовиков – это памятник великому подвигу, мужеству, непроходящей боли в нелегкой победе, понесшего несметные потери нашего народа. Это вечный памятник поколению воинов-фронтовиков, их чести, благородству и бессмертной славе. «Ничто не забыто, никто не забыт!» – этот девиз звучит и будет звучать в наших сердцах.

Никакое время не заставит забыть страницы истории своего народа. Сегодня всех советских людей, ковавших победу над фашизмом как на фронте, так и в тылу, по праву называют поколением ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

Чем воздать им любовь и признательность? В меру своих возможностей, таланта, интеллекта члены городского литературного объединения «Замысел» стараются осмыслить ушедшее время. Никто из них не был на войне. Однако понять происходящее через призму времени, найти ответы на многие события, понять силу нравственного духа легендарного поколения, осознать характер, истоки духовности непобедимого народа – в силах. Понимая, что литератор – яркий летописец народной жизни, в своих произведениях они оставляют памятный след в истории сегодняшнего дня, заставляют размышлять о глобальных вопросах: какие мы есть, чем наполнены наши сердца и можем ли с уверенностью сказать: «Мы – достойные наследники уходящего поколения Победителей!»

Маргарита Анисимкова

**Василий
ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ**

Священная война

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идет война народная,
Священная война!

22 июня 1941

Константин СИМОНОВ

Ты помнишь, Алеша

Ты помнишь, Алеша, дороги
Смоленщины,
Как шли бесконечные злые
дожди,
Как кринки несли нам
усталые женщины,
Прижав, как детей,
от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси...

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась.

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти поселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем».

«Мы вас подождем!» - говорили нам пажити,
«Мы вас подождем!» - говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, почками мнс кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941

Юлия ДРУНИНА

Я, признаться, сберечь
не сумела шинели –
На пальто перешила
служившую мне.
Было трудное время.
К тому же хотели
Мы скорее забыть о войне.

Я пальто из шинели
давно износила,
Подарила я дочке
с пилотки звезду.
Но коль сердце мое тебе
нужно, Россия,
Ты возьми его, как
в сорок первом году!

***

Всю жизнь
От зависти томиться мне
К той девочке,
Худющей и неловкой –
К той юной санитарке,
Что с винтовкой
Шла в кирзачах пудовых
По войне.

Неужто вправду ею я была?..
Как временами
Мне увидеть странно
Солдатский орден
В глубине стола,
А на плече
Рубец солдатской раны!

***

Нет, это не заслуга, а удача –
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!
С восторгом нас, девчонок, не встречали:
Нас гнал домой охрипший военком.
Так было в сорок первом. А медали
И прочие регалии – потом...

Смотрю назад, в продымленные дали:
Нет, не заслугой в тот зловещий год,
А высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.

***

И откуда
Вдруг берутся силы
В час, когда
В душе черным-черно?..
Если б я
Была не дочь России,
Опустила руки бы давно,
Опустила руки
В сорок первом.
Помнишь?
Заградительные рвы,
Словно обнажившиеся нервы,
Зазмсились около Москвы.

Похоронки,
Раны,
Пепелища...
Душу мне
Войной не рви,
Только времени
Не знаю чище
И острее
К Родине любви.

Лишь любовь
Давала людям силы
Посреди ревущего огня.
Если б я
Не верила в Россию,
То она
Не верила б в меня.

***

Он смотрит на меня –
Ровесник века,
Еще как будто крепкий старичок.
Войн, испытаний ураганный ветер
Его качал,
Но в землю вбить не смог.

За все болеет.
И в его-то годы!
А в нас во многих
Огонек погас...
О люди драгоценнейшей породы!
Что будем делать
На земле без вас?..

***

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы – в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

1942

**Александр
ТВАРДОВСКИЙ**

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

Отрывки из поэмы

О войне

– Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.
А война – про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: – Оставить!

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.
От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе – это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.
Тут не скажешь: я – не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.
Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба – дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела – грудь на грудь,
Драка – значит драка.
И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то что в старину –
Стенкою на стенку,
Тут не то что на кулак:
Поглядим, чей дюже, –
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить –
Ясно все до точки.
Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.
Раз война – про все забудь
И пенять не вправе,
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: – Отставить!
Сколько жил – на том конце,
От хлопот свободен.
И тогда ты – тот боец,
Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь – еще живой
Будешь сам в придачу.
А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.
Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

О награде

– Нет, ребята, я не гордый,
Не заглядывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.
На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.
Буду жив еще? – Едва ли.
Тут войой, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.
Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое –
Человек пришел с войны.
Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет...
...Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...
– Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего.
Вот сидишь ты на вечорке,
И девчонка – самый цвет.
– Нет, – сказал Василий Теркин
И вздохнул, и снова: – Нет.
Нет, ребята, что там орден,
Не заглядывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль...

По дороге на Берлин

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

Помышляя о солдатской
Непредсказанной судьбе,
Даже лечь в могиле братской
Лучше, кажется, в тебе.

А всего милей по дому,
До тебя дойти живому,
Заявиться в те края:
– Здравствуй, Родина моя!

Воин твой, слуга народа,
С честью может доложить:
Воевал четыре года,
Воротился из похода
И теперь желает жить.

День и ночь в боях сменяя,
В месяц шапки не снимая,
Воин твой, защитник-сын,
Шел, спешил к тебе, родная,
По дороге на Берлин...

***

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но все же, все же, все же...

***

Пускай до последнего часа расплаты,
До дня торжества – недалекого дня –
И мне не дожить, как и многим ребятам,
Что были нисколько не хуже меня.
Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

1941

Николай
МАЙОРОВ

Нам не дано спокойно сгнить в могиле –
Лежим навтыжку, и, приоткрыв гробы,
Мы слышим гром предутренней пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

1941

**Алексей
ФАТЬЯНОВ**

**Где же вы теперь,
друзья-однополчане?**

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь,
друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Я хожу в хороший час заката
У тесовых новеньких ворот.
Может, к нам сюда
знакомого солдата
Ветерок попутный занесет?

Мы бы с ним припомнили, как жили,
Как теряли трудным верстам счет,
За победу б мы по полной осушили,
За друзей добавили б еще.

Если ты случайно не женатый,
Ты, дружок, нисколько не тужи:
Здесь у нас в районе, песнями богатым,
Девушки уж больно хороши.

Мы тебе колхозом дом построим,
Чтобы было видно по всему, –
Здесь живет семья советского героя,
Грудью защитившего страну.

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

1946

Маргарита АНИСИМКОВА

СОЛДАТКИ

Повесть

I

Немного надо для памяти. В человеке она живет сторожем и хранителем. Понадобилось какое-то одно движение, одно событие, и она колоколом отозвалась в сердце.

Ночь казалась бесконечной. Евгения Николаевна сидела, опершись головой о спинку кровати, и думала о том, что тысяча девятьсот сорок второй год стал в ее жизни роковым. И какие бы дела, заботы ни крутило, ни вертело время, все они сбегались, очертив круг, около него.

В этот год Евгения Николаевна оказалась в Сосново. Сюда не долетали снаряды, не слышались раскатистые канонады. Село самой природой было защищено, спрятано в лесистой тайге между гористыми отрогами вдоль kloкочущей пенистыми водопадами речки Серебрянки. Но так только казалось. Война, как привидение, тихо, без стука поползала под каждую крышу.

Первая похоронка в село пришла на имя Степаниды Лаптевой. Ее получил председатель сельсовета Маит Радионович Пашин. От волнения он совсем заикался, из левого глаза, смолodu изувеченного на охотничьем промысле, покатила слеза. Рассыльная, расторопная Тюшка Токарева, взглянула на него, увидев перемену в лице, ждала, пока он соберется с духом: перестанет мять зубами нижнюю губу, заговорит. Но взглянув на казенный конверт, онемела сама и, ойкнув, побежала собирать членов правления.

Степанида, увидев на пороге сельских активистов, изловила их взгляды, заголосила:

– Чуяла, чуяла я беду. Сны меня одолели поганые. Чуяла я, что не свидеться нам больше с Лексеем. По глазам его чуяла. Холодные они у него были, чужие.

Бабы, пришедшие с Маитом Радионовичем, не уговаривали Степаниду, бестолково толкались возле стола, не зная, куда присесть, что говорить и, – не выдержав ее причитаний, заголосили с ней вместе.

В избе ходуном заходили двери. Оставив дела, каждый бежал к дому Лаптевых. Тащили в узелках, в подолах фартуков, в чугунках, в берестяных чуманах разную снедь, ставили на стол, молча справляя поминки по убитому на поле брани солдату Алексею Лаптеву.

– Ну чево вы, бабы, – говорил Маит Радионович. – Героем погиб Алексей. Кто Родину защищать будет, если не наш солдат? Помните: фашист-то как пер? Остановили наши. Натрепали им под Москвой, под Сталинградом морду начистили. – Маит передохнул, хотел еще что-то сказать, но не смог, поперхнулся на полуслове, взглянув на зареванное лицо Степаниды.

На другой день рано утром Тюшка Токарева домывала пол в сельсовете. От телефонного звонка вздрогнула, обтерла мокрые руки о подол юбки, на цыпочках подошла к висевшему на стене аппарату. Прерывистые звонки заставляли снять трубку. Она сняла ее, приложила к уху.

– Ага, ага. Это Сосново, – закричала Тюшка, касаясь губами черного кружочка. – Сосново это. Сельсовет. – Потом замолчала, нахмурилась, переспросила: – К нам? Ребятишек вакуированных? Ну, поняла. Это сироток, значит? Семнадцать? Ну, как не встретим? А куда же их тепереча?

Она села на табуретку, поглядывая на трубку, которую не повесила, а положила на подол юбки, думала: «Надо же на станцию ехать. Подводы собирать».

Маит Радионович снова собрал правление, собирали по селу полушубки, тулупы, чтобы можно было потеплее укрыть ребятишек, не простудить их, потому что железнодорожная станция от Сосново была в тридцати километрах. Сопровождала ребятишек до того худая девчушка, что увидев ее, Маит Радионович обомлел, поторопился подать полушубок, чтобы не видеть ее тонких ног, обутих в стоптанные сапоги.

– Вожатая, Евгения Николаевна, – представилась она, прошептав простуженным голосом.

– Все семнадцать мальчишек в целости и здоровье. Паек, полученный на дорогу, роздан сегодня в восемь утра. Больше у нас ничего нет. Старшая вожатая отряда номер восемь сто второй ленинградской школы Женя Шмакова.

– Давайте, ребятенки, быстрее в тепло. Быстрее. Морозы у нас злющие, – торопил Маит Радионович.

Старшеклассники, приехавшие с ним на станцию, расстилали в ковешках тулупы и усаживая ребят, укутывали их, набрасывали сверху овчинные полушубки.

Ребята рады теплу, спрятались с головой под теплые полушубки, и только вожатая не решалась укрыться.

– И ты, голубка, прячься от холода, набрасывай овчину на голову и спи, – сказал ей Маит Радионович. – Теперь уже дальше нашего Сосново вас везти некуда.

Девочка улыбнулась. Сухая кожа вокруг рта собралась в мелкие складочки.

Лошади бежали трусцой. Под полозьями скрипел снег, над тайгой плыла певучая колыбельная песня, убаюкивала не только ребят, но и не раз бывавшего в дальних обозах Маита Радионовича.

Павел Гонин натянул вожжи, чтобы посмотреть на своих пассажиров. Откинув овчину, в обнимку с маленьким парнишкой спала старшая вожатая. Тепло и усталость сморили ее, и на лице было такое спокойствие, что Павлу показалось, будто она улыбается. Ее бескровные щеки не розовели даже на морозе, зато ярко горели припухшие губы, вырисовывались густые рыжие брови, которые обметал куржак. Павлу показалось, что девчонка приоткрыла глаза, и он, подкинув над головой вожжи, закричал на лошадь.

Интернатовская техничка тетя Поля два раза протопила печь. Маит Радионович пришел с конюхом Саввой. Они обили старой кошмой скрипучую дверь, приподняв подоконники, набили расщелины паклей. Председатель распорядился привезти от столовой сухие дрова.

Он совсем собрался уходить, но обратил внимание на черноволосого мальчишку, который присел на корточки возле печи и тихо стонал.

– Ты чего куксишься? Замерз? Все отогреться не можешь? Или захворал?

– Палец болит.

Маит Радионович взял его руку и, увидев багровый распухший палец, спросил:

– Где это тебя так угораздило придавить его? Боль-то, поди какая?

– Стерплю, не маленький, – ответил мальчишка, отдергивая руку.

– Это давно, в вагоне дверью придавило.

– Собирайся. Пойдем со мной. Моя старуха на ночь алою привяжет, а завтра – к фельдшерице. Ишь, терпеливый нашелся, – бурчал Маит Радионович, помогая парнишке надеть пальто. – Так и без руки остаться недолго. Краснота-то по всей руке пошла.

– Дяденька, возьми меня с собой, – закричал сидевший у печки парнишка. – Я тоже к тебе хочу.

– И я, и я, – закричали все в голос.

– Одевайтесь, – ответил Маит Радионович, не найдя других слов.

– Айдате. Кажись, тетка Груня баню топила, заодно перемоеет вас. Айдате, айдате.

Всем селом растили сосновцы эвакуированных ребят: в интернат поочередно носили молоко, топили для них бани, чинили одежонку.

Женю Шмакову, их старшую вожатую, в Сосново из уважения все от стара до мала стали величать Евгенией Николаевной.

К ней и к Павлу Гонину пришла любовь. Может, пришла она не вовремя, но только каждой ягоде время свое. Жене до слез хотелось быть красивее и наряднее. К своей единственной старой кофте с короткими рукавами, из-под которых выставлялись худые желтые руки, она крючком навязывала манжеты, поднимала повыше воротник, чтобы скрыть синие жилки на тонкой шее.

Ей жаром румянило щеки при мысли, что в сельском клубе, когда она прибежит в кино, на самом заднем ряду будет оставлено место. Павлуша присядет к ней рядом, промолчит весь сеанс или протянет руку, чтобы угостить горсткой кедровых орехов. Потом пойдут по улице, опять будут молчать до самого интерната. Потом она долго не будет спать, торопить время, чтобы скорее пришел новый день.

Ей было тогда невдомек, что разговоры о формировании добровольческого корпуса коснутся и ее. Казалось, что война и все самое страшное остались далеко позади. Но стоило только раздуматься, как становилось жутко, война сразу все притягивала на свою сторону, оставалась только одна любовь, которая жила, ходила за ней днем и ночью.

«Нет, учеников не возьмут. Нет у нас такого закона, – думала она, узнав, что все комсомольцы-десятиклассники подали в военкомат заявления с просьбой зачислить их добровольцами. – Нет, не возьмут».

Но в душу вкрадывалась тревога.

Уральский добровольческий танковый корпус формировался за счет внутренних ресурсов трех областей: Челябинской, Свердловской и Пермской. «Мы берем на себя обязательство отобрать в Уральский танковый корпус беззаветно преданных Родине, лучших людей Урала – коммунистов, комсомольцев, непартийных большевиков. Добровольческий танковый корпус уральцев мы обязуемся полностью вооружить лучшей военной техникой: танками, самолетами, орудиями, боеприпасами, произведенными сверх производственной программы», – говорилось в письме в ЦК партии.

– Думаешь, так легко было попасть добровольцем? – сказал Павел, когда после уроков они остались в классе вдвоем.

Женя молчала, не зная, что говорить. Она сидела на парте, наклонив голову. Густая рыжая челка на лбу прикрыла глаза, в которых остановились слезы. Тусклый свет запыленной лампочки освещал классную доску, шкаф и учительский стол. В полумраке Павел казался взрослым. Его молчание вызывало в ней чувство страха и, закрыв глаза, она подбежала к нему, обняла за шею, неумело стала целовать его щеки, глаза, волосы.

– Ты чего? – стараясь освободиться от объятий, задыхаясь, говорил Павел. – Ты чего это, Женя?

Она так же неожиданно отскочила от него и, с силой грохнув дверь, выбежала из класса. Он слышал ее шаги в коридоре, в школьном дворе, на улице, сидел, ощущая на щеках прикосновение влажных губ. Сердце стучало часто и трепетно. Павел не сразу вышел из класса, непонятная грусть охватила все его существо. Он особенно это понял сейчас, когда вспомнил, какие горячие были у Жени руки, каким частым было ее дыхание.

...А день прощания настал. В школьном оркестре, единственном на все село, не нашлось трубача, и Славику Любановичу по привычке пришлось вместо строя встать к оркестрантам. Музыка летела над селом, сзывала людей как на праздник.

Женя бежала к сельсовету, запинаясь о комья снега, подскользнулась на раскатанной полозьями колее, и падала. Вся душа ее была переполнена страхом.

– Смотрите-ка, гонимские-то все один к одному, как яблоко к яблоку, – слышала она сзади женский голос. – Разве что Степан погрознее годами да посумрачнее. Во, сколько солдаток одни Гонины оставят. Подумать только: все враз добровольцы. Вон, подле Степана и сын стоит. Прямо одурели мужики. Парня и того с собой сомустили.

– Кто их теперь сомущает. Они, вона какие грамотные пошли. Сами в военкоматы. Сами заявления строчить научились.

– Может, и возвратятся домой мужики. Тепереча наши зачали как следует понужать германа.

– Может. Ведь всякий, кто идет туда, думает: ево пуля не заденет. Всем думается так. Ето мне ишо давно мой покойный Гриня говаривал: там, мол, всем чуется, будто летит не ево пуля, будто ево пуля ишо не вылита.

Женя взглядом отыскала Павла. Она хотела помахать рукой, но заметив, что он кого-то высматривает, спряталась за спину женщин. Он увидел ее и, к удивлению Дарьи, подбежал, обнял девушку, прижав к груди, говорил:

– Ты жди, Женечка. Жди. Мы скоро.

– Господи, что же это такое? – растерянно вскрикнула Дарья, оглянувшись вокруг себя, словно ища защиту, повисла на шее у Степана.

– Павлуша-то, видишь?

– Ладно тебе. Если парню в восемнадцать лет воевать пора, то любить – сам бог велел.

– И девчонка-то не нашенская, а интернатская. Это та, которую Евгенией Николаевной зовут.

– Все тут нашенские. Все вы ненаглядные наши, – сказал Степан.

Никто не ожидал от него таких слов. Они как-то не подходили к нему, хмурому и скупому на ласку. Бабы, как сговорившись, заголосили, а сельсоветский конюх Савва громко прикрикнул на лошадей.

II

После отъезда на фронт добровольцев Сосново осиротело. В воздухе рассеялся мужской дух: потерялись зычные окрики, ядреные слова, твердые шаги, хриплые от самосада кашли. Даже удары топоров стали глухими, от них не отдавался звон. Лошади по улицам бежали лениво, не чувствуя в натянутых вожжах руки хозяина.

Правда, главная улица села, что тянулась версты на две вдоль берега Серебрянки, с рассветом оживала: бежала в школу ребятня, торопились на работу бабы, пробегали подводы лошадей за сеном.

Дарья у Гошних совсем расслабилась. Все казалось, что с того прощального часу мир потемнел и жить не для чего. Но никто не говорил ей утешительных слов – знали, окрепнет Дарья, приспокоится, а пока разве только черту лысому было не ясно, какие думы донимали ее.

По первости она боялась ночей. Вьюжные, бесконечно длинные, они томил ее воспоминаниями о том, как прожили они со Степаном бок о бок без малого двадцать годов, как растили Павлушу. До этой поры все дни в голове жили вперемешку, а теперь высвечивались только белые.

Ни свет, ни заря вставала, бежала по заснеженным улицам на окраину села к коровнику и в работе чуть забывалась.

Раиса заметила, что Дарью замаяла бессонница, стала на ночь посылать к ней свою Любашку. Ребенок он всегда ребенок. Хочешь не хочешь, одаряй его вниманием, отвечай на все вопросы-запросы, а у Любашки-второклассницы их было полно. И к тому же, как ни есть племяшка.

– Ты бы лучше дяде Степану письмо написала, чем про всяких зверей спрашивать, – говорила Дарья. – Живут они своей звериной жизнью. В стужу в дуплах и в норах прячутся. а как солнышко встанет, тропы торят.

– А медведи еще спят?

– А как же. Может, и ворочаться зачали. Бока-то, поди, за долгую зиму отлежали.

– Они там всю зиму ничего не едят? – спрашивала Любашка. – Вот хорошо медведям. Поели раз, и больше не надо, а я каждый день хочу.

– Вот пей молоко и давай пиши письмо дяде Степану.

– Я на таком листке писать не умею. Мне мама карандашом косые линейки делает.

Любашка не капризничала. Она знала, что чуть ли не в каждом доме по вечерам только и делают, что пишут на фронт письма. Она поерзала на табуретке, поправила листок, разлинованный Дарьей, несколько раз кряду чихнула.

– Давай сюда нос, – сказала Дарья, поднимая кромку фартука. – Сморкайся. Вся испростыла.

Уловив ласку Дарьи, девочка весело сказала:

– Я все письма на фронт начинаю так: «Добрый день, веселый час! Пишу письмо и жду от вас».

– Как, как? – переспросила Дарья и присела рядом с Любашкой.

– Или можно еще так: «Лети с приветом, вернись с ответом». Я дядьке Черепкову под самый Сталинград так писала, и пришел ответ.

– Хорошие слова ты пишешь, душевные. На такие грех не ответить, – говорила Дарья, не сводя глаз с маленького кулачка Любашки. Представила, как Степановы руки будут распечатывать конверт, и заплакала.

Любашка начала писать, старательно выводя по линейкам каждую палочку и крючок.

...Бои на фронте шли грозные. Про это знал каждый. Даже глухой дедушка Собянин прикладывал ухо к репродуктору и рассказывал, где воюют наши войска, какие освобождают города. Много путал, но спорил с бабами до хрипоты, потом соглашался, что по тугоухости недослышал, шел к сельской фельдшерице Аленушке закапывать в уши капли, от которых у него шумело в голове, но прорезался слух и вскорости терялся снова. Про уральских добровольцев особенно ничего не было слышно, но Сосновцы верили: так просто их мужики воевать не будут.

– Значит, пора еще не пришла в бой вступать уральским полкам, – говорил в сельсовете Маит Радионович. – Значит, удар наши готовят похлеще Сталинградской битвы.

– Уж прямо, похлеще... Куда еще похлеще! Где же столько силы брать? – возразила Тюшка, протирая от пыли оконные рамы.

– Больно ты стратег какая. Подсчитала уже, – ответил Маит Радионович.

– Ты мне незнакомые слова не выворачивай. А про Сталинградскую битву я как есть во всех газетах все перечитала. Страсть какая там была. Читаешь, так и то по коже мурашки бегают, а как пережить такое?

– Про то тебе и говорю: еще удар наши готовят, чтобы башку гитлеровцы приподнять не могли.

– Теперь хоть к теплу время идет, не то, что тогда: стужа какая была! – вздохнула Тюшка.

– У нас у самих с вами пора жаркая на носу. Сколько сена надо поставить, а с кем? Бабы да ребята одни.

Тюшка вздохнула, выплеснула из таза воду под окно, согнав с завалинки пурхающих в песке кур.

...Лето нагрянуло разом. Солнце заладило стоять над Сосновым без туч, без облаков, и все подчинило своему теплу. Ночи стояли знойные, душные, травы на покосах, особенно в поймах, вымахали буйные и тяжелые. Сенокос начали рано, и обернулся он для сосновцев самой настоящей страдой. Куда ни ткнутся – то сноровки нет, то сил не хватает. Что мужики одним махом делали играючи, бабы со слезами не могли. Остожья наложили хлюпкие, зароды сметали кособокие, прясла нарубили сучковатые. Такое натворили: глаза бы не глядели, но сено поставили запашистое, сухотравное и в этом находили отраду.

В эту пору по радио и упомянули об Уральском добровольческом танковом корпусе. Принял он свое боевое крещение на величайшей битве Второй мировой войны – Курской битве, на Северном участке Орловской дуги.

Услышав это, Маит Радионович сел на коня и погнал на покосы.

– Ну, бабы, пошли мужики в бой, – сказал он, обтирая фуражкой вспотевшее лицо. – Ударил наш Уральский корпус по фрицам.

...Радио сообщало: на фронте, в районе Северной части Орловской дуги идут ожесточенные бои.

В Сосново верили, что только там воюют их односельчане. А писем с фронта не было. Рассортировав газеты, сельская почтальонша Ольга Шаргина не знала, с какого порядку села начинать почту разносить. Она боялась проходить по улицам, видеть, как нетерпеливо ждут ее в каждой избе.

– Пишут еще. Времена тяжелые, почта тихо ходит, – успокаивала, как могла людей, пересиливая себя, а в сельсовете слезами умывалась.

– Переведи, Маит Радионович, меня на другую работу, ну хоть на скотный двор отправь, хоть в овощехранилище, хоть сторожикой куда, не могу я в глаза бабам глядеть. Не могу! – говорила она, кидая пустую сумку на стол.

– Не выдумывай, – отвечал Маит Радионович. – На почту тоже кого попало не поставишь. Понимать надо.

Ольга соглашалась.

На другой день снова шла в «разноску», снова, вернувшись, бросала пустую сумку в угол и, уронив голову на стол, охала и стонала.

Маит Радионович вставал из-за стола и уходил, чтобы не слышать ее вздыханий.

III

Письмо от Павлуши Гониина пришло из госпиталя. Дарья плакала от счастья, прижимала к груди помятый треугольник, целовала его.

– Слава богу, – говорили сбежавшиеся соседи. – Слава богу, Дарья. Что же ты так? Какой мужик из такой войны выйдет не раненым?

Дарья и сама понимала, что не надо ей так плакать, но никак не могла успокоить себя.

– Тут он про интернатскую девчонку спрашивает, – перечитав письмо, сказала Раиса.

Дарья кивнула, взяла письмо, положила за пазуху.

– Раз о девчонке в голове мысли бродят, значит, ранение не тяжелое, – заключила Раиса.

– Значит, дело на поправку идет.

...Вести в селе не лежали на месте, тем более такие. Женя узнала о письме от интернатских ребят. Они прибежали в школу, окружили ее и наперебой рассказывали, что из госпиталя написал письмо младший Гонин. Ей хотелось опрометью побежать к Гонинным, своими глазами посмотреть на конверт, узнать, что написал Павлуша, но она не могла. Она стеснялась Дарьи, все время ощущала на себе ее взгляды, помнила удивленные возгласы в прощальный час.

Женя старалась не смотреть на ребят. Она стояла, напряженно вытянувшись.

А там, за огородами, виднелась тайга, узкая извилистая тропка, которая терялась за деревьями.

Первый осенний заморозок обжег на кустах лист, припалил траву, и она, мягкая, жухлая, путалась под ногами. Женя вышла на опушку леса, откуда виднелось все Сосново с извилистой Серебрянкой. В ясный день отсюда легко было различить избу, сарай, баню, поленницу. Отыскав глазами избу Гонинных, спрятавшуюся за крышей Мурзинского дома, Женя круто свернула в гору, чтоб увидеть окно, в котором обязательно должен гореть свет.

В селе шли суды-пересуды, каждый строил догадки: отчего Павлуша в письме не обмолвился ни о ком из односельчан. А на имя председателя сельсовета из районного военкомата передали:

– В четверг к поезду пошлите подводу. Павел Гонин.

Но Маит Радионович, перечитав телефонограмму несколько раз, понял, что Павлушу Гониина списали домой подчистую. Правда, он не знал, кто подал телефонограмму: военкомат, то ли сам Павел, да какая разница? Ясно одно: парень отвоевался.

И председатель вдруг почувствовал усталость, ощутил боль в косице, возле изувеченного глаза.

«Быть на войне без царапин – дело счастливое», – успокаивал он себя зная, отчего колыхнулась душа. Оно вроде бы и неудобно после таких сражений целехоньким из боев выходить. Ровно в кустах сидел либо за чьей-нибудь спиной скрывался. Однако понимал, что, думая так, отводил от себя размышления, которые ломали голову.

– Давай, Савва, собирайся. Воронка вычисти. Сбрую как надо избиходь. Первого фронтовика встречать поедем.

– Тут меня ребята из школы одолели, – сказал конюх. – Не возмете, говорят, пешие пойдем. Чё с ними делать? Лошадей свободных нет, все в районе.

– Пусть берут Гнедого да Быстроходку.

– Они на закладке силоса.

– Скажи парням, пусть приведут. Поедем все вместе.

– Дарью-то возьмем? – спросил Савва.

– Нечего ей трястись по бездорожью. Мимо Сосново не проедем.

А люди в Сосново продолжали строить разные догадки: одни говорили, что его отпустили на побывку, другие утверждали, что на поправку. Но никто не высказывал мысль, что едет он домой подчистую. Только Степанида, про которую стали говорить, что она временами заговаривается, выпалила:

– Помирать, наверное, Павлушу домой отпустили. На нее зашикали, и она, испугавшись своих слов, начала молиться.

...Дорога от станции проглядывалась с пригорка, узкой просекой проваливалась среди стройного сосняка и тянулась до берега Серебрянки, где круто сворачивала к горам. Нетерпеливые девчонки взобрались на деревья, стараясь первыми увидеть подводы. Бабы ежились на сквозном ветру, щурясь, смотрели вдаль.

Лошадь бежала ходко, разбрасывая в разные стороны грязь, весело позвякивая колокольчиком, привязанным Саввой к расписной дуге.

Степанида, размазывая по щекам слезы, первой бросилась к телеге, упала на нее, не поднимая головы. Потом приподняла лицо, пошатнулась, прикрыла ладонью рот:

– Боженька! – проронила она в ладонь, не сразу признав в сутулом солдате Павлушу Гонина. – Что же это они с тобой сделали? Когда они твою молодость украли?

Изба Гониных была полна народу. На лавках возле стен присели, как присели гонинские снохи. Они смотрели на Павла не отводя глаз, чуть слышно всхлипывали.

Костыль Павел оставил у порога, не снимая шинели, снова обнял Дарью, уткнул лицо в платок, но почувствовав, что она затряслась в его объятии, глухо кашлянул, попытался убрать с шеи руки, ощущая боль от недавних ожогов.

– Ладно. Ладно, мама. Все хорошо. Что уж ты так? – сказал он и, увидев на скамейке снох, стушевался.

Там, на улице, при всех ему было легче смотреть на них. Он поздоровался громче и веселее, откланялся. Теперь, когда они сверлили его молчаливыми взглядами, дожидаясь услышать хоть одно слово о мужьях, у Павла не хватало духу заговорить.

– Павлуша, мужики-то наши как там? – не найдя в себе силы терпеть, спросила Ульяна.

– Скажи однако, уважь.

На лице Павла зажегся румянец и тут же потух. Бледный лоб покрылся мелкими капельками пота, побагровели на шее красноватые шрамы ожогов.

– Живые. Воюют, – ответил Павел, отделяя каждое слово.

– Че же наказывали? Может, помнишь? Может, при памяти был? Писали же, что вы все в одном танке пойдете в бой.

– Жить наказывали дружно. Яша так и сказал: дерись, бранись, а за своих держись.

– Это уж точно его слова, – обрадованно крикнула Раиса. – Это Павлуша, он завсегда так говорил. Это уж точно его слова, – говорила она, сияя от радости.

Павел будто и не слышал ее. Он смотрел в окно, тяжело дышал, часто облизывал пересохшие губы.

– Бабы, дайте отдохнуть парню с дороги, – шепотом сказала Дарья, заметив, как побледнело лицо сына. – Пристал с дороги, – заторопилась она, догадавшись, что Павлуша сказал неправду.

В эти минуты на пороге появилась Женя Шмакова. Пальто ее было нараспашку, концы серой вязаной шали распущены, густая челка рыжих волос прикрывала глаза. Мгновение она стояла в нерешительности, вглядываясь в лицо Павла. Она не помнит, кто первым бросился навстречу, но как сейчас ощущает запах гимнастерки, пропитанной потом, пылью и лекарствами.

Всего два месяца жизни отсчитала Павлу война. Он не успел наглядеться на Женю, не успел расслабиться душой от всего пережитого в недолгих боях.

...Скоро затянувшаяся в госпитале рана на груди начала пухнуть и багроветь. Оставленный осколок все чаще сдавливал дыхание, удушливый кашель колотил его по ночам. К утру приходило облегчение, он слабел и, стесняясь своего бессилия, лежал с закрытыми глазами. Не успокаивали боль и травы, и настойки Мичихи, никакие уколы «Скорой помощи».

Дарья, видя маету сына, скорчилась вся, свернулась в клубочек.

– Может, Павлуша, в баньку сходишь? Попаришься. Тело подышит сухого воздуху, – сказала она после очередного приступа, приподняв цветастый полог, которым была прикрыта койка молодых.

– Не надо, мама, – ответил Павел, пошарил рукой по одеялу, цепкими пальцами сжал ее руку, притянул к горячим губам.

– Ты чё это, Павлуша? – спросила Дарья, затаясь.

– На ноге рану жжет. Ломит, – пожаловался он, отвернулся лицом к стене.

Дарья погладила ему ногу, ошупала, как в детстве, круглое родимое пятнышко.

– Жить. Как охота жить, мама.

Женя застала Павла в бреду. Взгляд его был потерянным. Лицо без единой кровинки.

– Дядя Яша! Дядя Яша! – кричал он, приподнимаясь на подушке.

– Подавай снаряды! Скорее! Ты не слышишь, Яша? Дядя Петр, открывай люк. Мы горим. Тащите дядю Васю к воде. Живее, чего вы медлите? – Павел вскочил, седые волосы упали на лоб, как нарочно закрыли остекленевшие в беспамятстве глаза. – Дядя Яша, ну, что ты, поторопись. Держись за меня и к воде! Скорее!

Павел обессиленный упал на подушку, уставил в потолок открытые глаза. – Ну чего вы все молчите? Ну, вставайте же. Чего я дома скажу? Вам хорошо. Закрыли глаза и спите! – снова закричал он и стих. Павел лежал неподвижно, будто окаменел. Память возвращалась тяжело и нехотя. Он заскрежетал зубами, крепко сжал кулаки, и стон его тихий, как голос изнутри, слетал с липких воспаленных губ.

Дарья, припав на спинку кресла, плакала. Глаза ее были прикрыты ладошкой, но слезы просачивались между пальцами, текли по лицу. Все, что в нескольких словах выкрикнул Павел, было страшной правдой. И Дарья не находила в себе силы поднять головы.

– Павлуша. Это я, Павлуша, – сдерживая себя, шептала Женя. – Послушай-ка, что я тебе скажу. Послушай.

Тело Павла вздрогнуло. Он подался вперед, уставил широко открытые глаза на окно, но во всем его взгляде была пустота и отрешенность.

– Я говорил? Я чего-нибудь говорил? – спросил он, прислушиваясь к словам Жени.

Дарья вдруг подняла голову, повела глазами, умоляя Женю молчать.

– Я чего-нибудь говорил во сне? – выкрикнул Павел, и его голосу нельзя было не подчиниться.

Дарья испуганно встала над кроватью, обтирая кончиками платка мокрое от слез лицо.

– Ты спал. Ты хорошо спал, – целуя бледное лицо Павла, говорила Женя, еле сдерживая себя от рыданий. – У тебя будет сын. Будет, Павлуша. Будет.

Она говорила торопливо, стараясь подбодрить его, обрадовать, облегчить его страдания, вселить ожидания и надежды.

– Спасибо тебе, – ответил Павлуша, провел дрожащей рукой по ее лицу, голове, прижал слабеющей рукой к плечу.

...К вечеру его увезли в больницу. Он умер утром, когда над селом начинался новый день.

IV

Третий год кряду осень в Сосново приходила раньше обычного. Не то чтобы сысподтиху, как бывало, а завернут враз морозы: лист на деревьях зеленым оледенеет, трава на межах ошетинится, речка до самых валунов на быстрине льдом покроется. А солнце, как нарочно, высвечивает Сосново светом, заливая каждую ложбинку, бугорок, канаву, дорогу. Любуйся, мол, человек! Приподыми глаза. Краса-то какая кругом. В эту пору у людей дел и по хозяйству, и в поле хоть отбавляй.

В первый этакий год многие обманулись, не поверили в заправдашнюю силу холодов, и даже капуста, привыкшая от легкого морозца ядренеть да соками наливать, – не сдюжила. Лист у неё на морозе сварился. Кто порасторопнее, сумел ее раньше вырубить да хоть из середины хрустящие листья на посол выбрать, а кто ждал погожих дней, так и не дождался оттепели, считал потом на грядках мерзлые кочаны. Да и со скотом мороки было – не приведи бог.

«Давно, в военном сорок третьем годе этакая зима была, – думала Дарья. – Павлуша тогда с фронта раненым пришел».

Она облизнула высохшие губы. В памяти опять возник сын, увидела его мальчонком в длиннополом отцовском полушубке с шуршащими ледяными сосульками на полах, обледенелых валенках и большим колуном в руках на крепком березовом топорыще.

Ох, Павлуша, Павлуша... Как мало было отпущено судьбой лет на твою жизнь, никогда больше не порадует он материнское сердце. А теперь она особенно нуждается в ласковых словах, когда разные хвори льнут, как к одежде в осеннюю пору репейники.

Она вышла из избы сразу, как только на воротах щелкнула щеколда, а в сенях еще не успел рассеяться, расплзтись едкий дым свежего самосада. Прищурившись, Дарья остановила взгляд на узкой расщелине между бревен в высокой городьбе ограды, увидела, как промель-

кнул краешек плеча и воротник полушубка Степана, как, обойдя кучу сваленных соседом посреди дороги дров, он скрылся за угол.

На ступеньках крыльца, на дощатом тротуаре, запорошенных хрусткой изморозью, отчетливо вырисовывался колоссальный след подшитых валенок Степана.

«Все хорохорится, – вздыхая, думала Дарья, – сказывает, будто не болит у него нога, а сам вон как ее по утрам волочит, снег гребет...»

Сметая голиком снежный налет с широких плах, она вдруг приподнялась, отодвинула за ухо край тонкой шерстяной шали, прислушалась.

Дарья, набрав полные калоши снега, взяла с поленницы несколько тонких сосновых полешков и, еле переступая отяжелевшими ногами по ступенькам крыльца, вернулась в избу.

Затопила печь, подвинула к огню чугуны и опустилась на скамью, впав в забытье.

Она очнулась только, когда часы на стене пробили девять раз. Дрова в печи давно прогорели. На шестке, в большом чугуне сварилась картошка. Вздущиеся от жары картофелины дымились и шипели.

Дарья провела по мокрому от слез лицу мягкими короткими пальцами, обтерла о фартук влажные руки. Вдохнула и, нащупав ладонями колени, опершись о них, встала. Она крепче повязала вокруг головы цветистый платок, которым «придавила виски», и принялась за дело.

Подумала: «Грех мне бога гневить, я подле Степана греюсь. Всякое дело с его совету, с его слова справляю. А паши-то бабы всё одни, всё сами. Так ведь вся их бабская жисть и приостановилась с той поры. Одни всё, одни, сердечные...»

Дарья проглотила комок, который стал в горле: «День Павлушиной памяти... Скоро явятся солдатки».

Слово «вдовы», раз и навсегда запрещенное Степаном, она не смогла и в мыслях произнести.

«Солдатки они. Солдатки. Запомни это. И во сне, не то, что при людях, не смей их по другому называть. Ни одну из четырех!», – сказал он в первый день своего возвращения с войны.

Повиснув тогда у него на шее, она смотрела на него таким взглядом выпланных глаз, от которого Степан и теперь ознобно вздрагивает.

«Миром да собором бабы ребят вырастили. Годы приспокоили, притушили бабью тоску и маету», – покачала Дарья в такт своим мыслям головой.

Туго стучала в висках кровь, и Дарья, положив ладонь под впалую грудь, еле ущупывала сердце через байковый лиф.

Во дворе взляял хромоногий, глухой пес Верный.

«Видать, кто-то не свой идет», – решила Дарья, заторопилась.

В воротах, как напоказ выставив вперед ногу в высоком коричневом сапоге на толстой подошве, держась за дверную скобу, стояла Тоня.

Не сразу увидев в дверях Дарью, она, притопывая о промерзшие доски тротуара, кричала:

– Уходи! Кому говорю: пошел на свое место!

Но в собаке, видагы, проснулась прежняя прыть. Пес выпрыгнул из-под крыльца на трех лапах, приподнял дрожащий нос, оскалил зубы.

Тоня завизжала, с шумом захлопнула ворота.

– Чаще ходить надо, – отгоняя Верного, говорила Дарья. – Этакое бояться. Ему в обед сто лет будет. Он уж и еду-то не нюхает, а тебя напужал. Айда, проходи!

Тоня бегом прошмыгнула в избу.

В избе запахло духами, морозцем и еще каким-то еле уловимым вкусным запахом. У порога Тоня расстегнула длинные замки на сапогах, голенища развалились в разные стороны. Повесив на гвоздь драповое пальто с собольим воротником и высокую шапку, она обняла Дарью за плечи и поцеловала упругими, пахнущими губной помадой губами. Все ее тело плотно облегалo черное платье, подчеркивающее высокий бюст и широкие бедра. Глубокий узкий вырез ворота обнажал загорелую шею.

– Каким это ветром? – спросила, снимая с плеча Тони соринку, Дарья.

– Без всякого ветра. Взяла да и пришла, – ответила Тоня. – Болеть? Бледная что-то...

– Зуб можжит, – сказала Дарья, притворно рассмеялась, махнула рукой. – Нашла в ком красу да здоровье искать. Отлиняли мы, голубушка. Время сысподтиху отобрало всю красу. А быть может, и красивыми не были, но молодыми – это уж точно, что были, – опять засмеялась Дарья и провела ладонью по пушистым, высоко взбитым волосам Тони. – Вот ведь какая вымахала, а? Откуда чё и взялось? – Дарья повернулась к шкафу, стараясь дотянуться до верхней полки, где стояли тонкие фарфоровые чашечки с позолоченными ободками, из которых она всегда угощала гостей.

– Вот уж сказала: «Вымахала!» Я уж четвертый десяток разменяла. Петька-то мой уж в шестой класс пошел. С меня ростом.

...Но Дарья и не слышала Тониных слов о ее годах и повзрослевшем сыне. Мыслью перекинулась в тот морозный вечер, когда Тонина мать, Ульяна, прибежала к ней, упала на порог и заголосила. Дарья тогда не сразу стала успокаивать, говорить утешительные слова. Потому как сама еще толком не знала, отчего у нее сердце зашлось.

– В тягости ведь я, Дарья, осталась, в тягости, – выкрикнула Ульяна, ударяясь лбом о дощатую перегородку. – Что делать-то? Как растить?

И тут Дарья присела к Ульяне, положила ее голову к себе на колени, убрала со лба и щек слипшиеся от слез волосы.

А та все голосила:

– Делать-то мне чего?.. Те крохотные есть просят, да и этот о жизни напомнил. Разве к Скорнячихе идти... – И уставив глаза о передний угол, тихо произнесла: – Так, и нести мне ей нечего. На ее бледном лице высыпались веснушки до самых ушей. И была в тот вечер Ульяна полногрудая, мягкая, парная от своей молодой женственной полноты.

– Разве грех, Ульяна, детей-то рожать? – несмело проронила Дарья. – Господь их не всем шлет. Видишь, у меня окромя Павлуши никого нет. Ушел он на войну, и осталась я одна... На счастье людям господь детей посылает. В нужде вот живем, а все одно вырастим. Вырастим, миром-то! Нас ведь много.

По лицу Ульяны скользнула улыбка, и Дарья добавила более уверенно:

– Если слово мое услышать хочешь – рожай. Никого не слушай.

Они долго еще сидели молча, подставив табуретки к русской печи.

...В тот вечер и выстроилась судьба Тони.

– Взглянул бы сейчас на тебя отец хоть краешком глаза, – заплакала Дарья.

– Вот ты, тетя Даша, всегда такая. Ну что уж это такое? – сказала Тоня, обтирая ей глаза носовым платком. – Лет сколько прошло. Ну как бы люди жили, если б все время в трауре ходили? Сама же всем говоришь: живым – живое. А как увидишь меня – так в слезы. Хоть на глаза тебе не показывайся.

Дарья согласно кивала головой, бормотала:

– Прости меня, Тонюша. Не сдюжила я. Все утро палю себя воспоминаниями... привязались, и оборониться от них сил никаких нет. А про себя думала:

«Вот какая у Ульяны есть отрада на старости лет. За все страдания судьба взяла да вот, как конфетку, Тонюшу подбросила...»

V

Раиса Гонина нынешним летом вышла на пенсию. Ей думалось: наконец-то настала пора свободы и спокойствия. Не придется теперь в грибную пору с завистью смотреть на баб, которые, сговорившись, спозаранку, с берестяными пайвами на плечах и с плетеными корзинами весело шли к логу. Не станет она за неделю раньше уговаривать характерную напарницу Дуньку Мохнаткину, чтоб сделала ей подмену, когда Степан позовет ее в Глухариный

сосняк за брусникой, где каждая кочка усыпана ягодой, а тропку к нему через Пятковую топь знает только он один. Сможет она в свободное время и шаль себе связать, и одеяло выстегать, и кружева на наволочки и простыни вывязать, и к своей Любане в гости в любое время поехать в Боровск, где та интернатом заведует. «А уж перво-наперво выплещусь как следует. Закроюсь на крючок и ни на один стук не открою дверь, пока все тело не отдохнет, не ослабитя, в руках ломота приспокоится», – думала она.

А оказалось все шиворот-навыворот. Пробыла на пенсии всего три дня, и сон как рукой сняло. Надо бы спать, нежиться в теплой постели, а ее по утрам будто кто в бок толкает. И на часы глядеть не надо: так и знай – стрелка к пяти подходит. А от бессонницы стала приходиться маета. Скоро почувствовала: худеть стала. Ощупает утром себя – тело ровно не ее. Куда чего девается? И не только сама, люди при встрече не забывали сказать: «Что-то ты, Раиса, с лица сошла?» А ведь никому сразу в голову не падет, что ко всякой жизни человеку привыкать надо сызнова.

Думы привязались и не стали отпускать ее ни днем, ни ночью. Все в памяти перебрала Раиса.

Бусый рассвет чуть пробивался через окно. На стене обозначились контуры шкафа, полка, тяжелой рамки со стеклом, в которой были фотографии всей родни. По небу лениво плыли густые темные облака. Белая полоса света, прочертившая горизонт, разрежала небо, и оно, раздвигаясь в разные стороны, как занавески, освещало взгорный край села. На ветру гнулась стоявшая под окном рябина, и не замеченная никакой птицей, примороженная гроздь ягод постукивала в окно.

Раиса торопилась освободиться от пришедших воспоминаний, но они будто поймали ее в капкан. «Вы, Раиса Петровна, красивая женщина, – как нарочно лезли в голову слова кладовщика Константина Бородина, эвакуированного во время войны в Сосново. – Вы даже сами не знаете, какая вы красивая. Я вот смотрю и глаз бы не оторвал от вас».

Она вспомнила Константина, мужика невысокого роста, с веселыми глазами, но молчаливого. Ей всегда казалось, что он больше разговаривал глазами, чем словами, а говорил только то, отчего закипало сердце.

«Нет, напрасно я все это мелю, – подумала Раиса. – Теперь просто рассуждать, когда за тридцать годов после войны перевалило. А в ту пору сердце как огонь было. Хоть и похоронку получила, а как память об Василии жила? К тому времени уже Степан с войны вернулся».

Это случилось на второй день после возвращения Степана с войны. Может, брала его тревога, ему нетерпелось взглянуть, как жили жены

его братьев, то ли сердце чуяло что-то неладное, только явился он в Раискину комнату как раз в тот час, когда заглянул к ней Константин Бородин. Сердце у нее зашлось, задрожали губы, и она, не зная что делать, бросилась Степану на шею, закричала:

– Я, Степан, женщина красивая! Женщина я красивая.

Она кричала эти слова и глотала слезы, встав между Константином и Степаном, которые оба молчали, и только глаза Степана вдруг покраснели, а губы стали сухими и бескровными.

– Вижу, вижу, что красивая, – пробормотал Степан, убрал ее руки со своей шеи, повернулся и вышел. Раиса бросилась за ним на крыльцо, но не окликнула, а, опершись о косяк, заплакала.

– Ну, успокойся, Раиса Петровна, – переступая с ноги на ногу, говорил Константин, несмело дотрагиваясь рукой до ее плеча.

– Уходи. Ради бога, уходи, – не поднимая глаз, сказала Раиса. – Не до тебя мне. Уходи.

Бородин будто того и ждал.

– Ну, тогда спокойной ночи вам, Раиса Петровна, – сказал и ушел.

...Раиса сбросила одеяло в сторону. В исподней рубахе открыла у печи вьюшку, подожгла с вечера нащипанную лучинку, которая вмиг охватила пламенем дрова.

Потянулась оторвать на календаре листок, которым был обозначен еще один прожитый день, вздрогнула:

«Как же это так? Как я запомнила? Завтра же день памяти Павлуши», – прошептала она, скомкала в ладони календарный лист, бросила в печь. Веселые блики огня плясали на полу, через решетчатую дверцу.

Есть что-то на свете загадочное и таинственное. Что угодно пусть говорят, а этот день, как заколдованный. Обязательно ворошит память. Обязательно выворачивает душу.

Она не стала дожидаться, пока протопится печь, чуть прикрыла вьюшку и, быстро собравшись, выскочила на улицу.

Раиса торопилась поскорее увидеть Дарью и освободиться от мыслей, которые все утро беспокоили ее. Над рекой стоял бусый туман, легкой изморозью покрыл берега, припудрил лежавшие штабелями бревна. Возле покрытой льдом лужи дремали, спрятав под крылья головы, две пары соседских гусей. Услышав рокот машины, гуси враз подняли головы, заторопились к реке.

Большой красный автобус вывернул из-за угла переулка и несся навстречу Раисе. Шофер Алешка Субботин, издали заметив ее, засигналил.

– Здорово, Алешенька, здорово! – сказала Раиса вслух, посторонилась, сошла с бетонной дорожки.

«Ишь до каких дён дожили – доярок на скотный двор автобусом возят. Ну, ей-богу, и жисть пошла: корова только дотронется мордой до железной тарелки – вода польется – пей сколько хочешь! Нажмет скотник Поликарп кнопку – поползет по транспортеру разный комбикорм, силос – ешьте, коровушки! Бабы по скотному двору в белых халатах расхаживают. Ну и жисть пошла! – думала Раиса, провожая взглядом автобус. – Да хоть столовую возьми: разве Светка-повариха возится теперь так, как я раньше? Разве приходится ей разжигать в печке сырые дрова или золу из поддувал выгрести, или дымоходы от сажи чистить? Придет – включит электрическую плиту и ждет минуточку, пока нагреется. Далеко отшагнула, шарахнулась от темноты жисть. Нипочем бы наши мужики не узнали своего села. Разве только по речке Серебрянке, да по валуну на перекате, да по старым домам...»

Раиса сощурилась, приложила ко лбу ладонь, оглядела улицу и изловила себя на мысли, что дома-то все обновились: с шиферными крышами, наличниками, палисадниками, даже скамейки у ворот краской выкрашены. Необыкновенно красивым показалось родное село Сосново, будто только в эти минуты она по-настоящему оглядела его.

VI

На кордоне, в пяти километрах от Сосново, стояла изба. Она давно опустела, стала заимкой, но в те далекие годы отсюда на войну ушел еще один брат Гониных – Петр. Мария, его жена, вдовой осталась двадцати двух лет от роду, а у нее уже росло трое сыновей. Старшему из них пятый год шел.

Петр Гонин был лесничим, на всю округу один. Для кого-то эта работа казалась пустяковой, легче-легче, а для него каждый день был в хлопотах. Когда увалы вдоль реки Серебрянки отвели в заповедные места возле кедровников, а вверх по Пышовке высадили бобров, он дневал и ночевал в урочищах: боялся, чтобы кто не потревожил, не спугнул зверьков. При расставании наказывал Марии:

– Живи тут, работу за меня справляй, ребят к ней приучай. Пусть они учатся лесное богатство хранить, зверей беречь. От этого человек добрей бывает.

Любая мужская работа – мужская и есть. Это сразу почувствовала Мария, как только осталась одна. Наденет на себя шубейку старую, опояшется ремнем, чтобы топор за него сунуть, на плечи мешок наденет, накажет ребятам, чтобы без нее не озоровали, и пойдет участок оглядывать.

Тайга вокруг Сосново дремучая, синяя. Тропки извилистые, чуть приметные, с засеками на деревьях. Знала Мария, что по каждой из них ходил Петр, что каждая зарубка на дереве его ножом сделана. С любой взгорки, куда бы ни вела тропа, Сосново проглядывалось. Остановится Мария, отыщет взглядом избы Степана, Василия, Якова. а как на густой кедровник взгляд падет, краешек своей крыши увидит, сердце застучит сильнее. Представит, как ребятишки ее поджидают. в окна выглядывают, и ноги будто сами несут к дому. Поначалу, когда было чем кормить ребят, не так душа болела. Знала: то похлебку поедят, то молоко попьют, а как запустила корову, пришли такие дни, хоть глаза закрывай и беги. Ничем не уговоришь, не успокоишь ребенка, если его голод сосет. Не успеет она двери приоткрыть, на порог вступить, а они будто одно слово и знали: «есть хочу».

Тогда Мария заметила, что все ребячьи сказки с едой связаны: хоть про репку, хоть про зайку-зазнайку, хоть про Красную Шапочку. Начнет она их уговаривать, всякие лесные истории рассказывать, а сама об одном думает: как бы уснули поскорее, как бы про еду до утра не вспомнили. Усыпит еле-еле, а сама в Сосново. То у Ульяны, то у Дарьи молока возьмет, то Раиса какой-нибудь болтушки в крынку нальет. Все сытнее, чем картошка сухая.

Заметила Мария: ребятишки совсем исхудали. Пальчики на ручонках длиннее стали, кожа на лице желтее, глазницы обозначились, глаза округлись. Глядела на них – глаз просушить не могла.

Может, не так больно переживала бы Мария, если бы кто-нибудь с ней по соседству жил, с кем могла бы она словом обмолвиться, беду выплакать. Вместе всегда легче. А тут – куда ни ступи, ни повернись – одна.

«Хоть бы уж ты, Белолобка, над моей бедой смилостивилась, – вздохнула Мария, подходя к конюшне. – Хоть бы ты мои слова услышала».

Из расщелины в двери тянуло теплом, запахом сена, навоза. Слышно было жалобное мычание коровы.

– Неужто отелилась, сердечная, – проговорила Мария, приоткрыв дверь. – Неужто мою беду учуяла? Пришла мне на подмогу, на спасение моих ребят.

Она гладила потную шею Белолобки, липкие завитки шерсти на сыром теле тельенка, касалась рукой тугого вымени коровы. Белолобка в ответ мычала, фыркала ноздрями, лизала спину тельенка.

– Уберу я его от тебя. Уберу. Если с тобой оставлю, моим ребятам молока не видать, а так с ними делиться будешь. Мария подхватила тельенка на слабые ноги, чтобы ловчее было приподнять его, и увидела наставленные на себя рога.

– Ты чего это, Белолобка? – в испуге закричала Мария на корову.

Что было силы крепче обняла теленка, изловчилась, оттолкнула спиной дверь и вывалилась из конюшни, дотащив теленка до избы.

Мария разрезала ломтями картошку, обсолила и снова пошла в конюшню.

Корова отдала молоко нехотя. Вымя у нее набрякло, лоснились от натуги соски, она мычала, переступая с иоги па ногу, хлестала жестким, как кнут, хвостом по бокам. Изредка влажный хвост проползал по лбу и щеке Марии, но она не кричала на Белолобку, а причитала.

– Вот пришло мое спасение. Сварю молозиво. Накормлю ребят и опять один день вперед...

...Она вспомнила все это, когда пришла с младшим внуком Сереженькой на заимку затопить печь, чтобы не подмерзла в подполье картошка, которую каждый год садили на широкой полосе, раскорчеванной в давнюю пору среди кедрача, где земля оказалась песчаной, плодоносной и рождала клубни крупные и вкусные.

Сереженька бегал подле нее, звенел голосом, как колокольчиком, и она, не все понимая из его слов, согласно кивала головой. Валил редкий косматый снег. Отяжелевшие снежинки лениво кружились в воздухе и, коснувшись земли, изгороди, поленницы, веток деревьев, липли к ним, украшали своей белизной. Настоянный на влажной хвое воздух был душист и дурманил Марии голову. Она прищурилась, будто впервые увидела снег таким волшебным и чарующим. Все сияло от него, отсвечивало, переливалось, и в душе помимо воли рождалась радость ко всему, что было вокруг. Тихо ступая по еле заметной тропке, Мария подошла к огороду, оперлась о почерневшее прясло и посмотрела на распаханную полосу с ровными бороздами, не успевшими засыпаться снегом. «Сколько я поработала на тебе, полоса?» – подумала она, и ей на память пришли дни, когда она и копала, и полола, и убирала урожай. Подсчитывала, сколько ведер родилось картошки, какую часть оставить на семена, какую себе на еду, какую скотине, чтобы потчевать ее в зимние дни теплым пойлом.

«Кормилица моя», – подумала Мария, задетая бередящей памятью, и была рада, что не забыла, не оставила без внимания землю, которой обязана тем, что вырастила ребят.

Взгляд ее остановился возле старого кедра с обломанными нижними сучьями. Тут, как и в прежние времена, стоял невысокий стожок сена, накошенный из первостойной травы для первосенка.

Мария боязливо посмотрела на стожок сена и пошла в избу, пошатываясь, придерживаясь за маленькую ручонку внука, который, заметив перемены в ее лице, присмирел.

«Боже мой, чево только не натворит молодость?» Она сморщилась, понимая, что повторяет слова чужие, которые, жалеючи ее, придума-

ли люди. Тогда она не искала и не хотела к себе никакой жалости. Ей хотелось, чтобы люди ругали ее, травили, а они, как сговорились, молчали. «Может быть, своим молчанием и казнили меня? Да что люди? Память о Петре я сама опоганила. А эта ниточка так по жизни за мной и тянется. Грех ведь на мне лежит великий».

Она задрожала вся в охватившем ее ознобе, заторопилась лечь па кровать возле порога, надеясь, что скоро пройдет все, стоит только потерпеть, потереть ладонью левый бок от плеча до пустой усохшей груди и обратно.

...Леньша Горцунов явился тогда оборотнем, да и накатило затмение. Ну, какое затмение? Любо было слышать его говор. Любо. Даже не оттолкнула его, когда он зачал ластиться. Прижалась, прильнула как кошка, ослабла в его обнимке, забылась на ночь, а оно вон как обернулось.

Дыхание Марии становилось частым и громким. Она лежала и чувствовала жгучую сухость во рту, будто внутри все палило, и шершавый язык еле касался обметанных жаром губ. А память высвечивала ее единственный греховодный день.

Вспомнила Мария, как прибежала к ней на заимку Ольга Шатина, соседка Гонинская. Расписала в подробностях Степанову встречу, не упустила и того, что Ипалитко-дровокол в столовой, не иначе кем-то наученный, принародно отрапортовал Степану:

– Гонинским мужикам кручиниться нечего: сами воюют, а род продлевается. Марии, к примеру, лесовичок мальчонку подбросил. Степан, как сказывала Ольга Шатина, кашлянул, моргнул несколько раз левым глазом, возле которого лежал красный шрам, прищурился и ответил:

– А это наше, гонинское дело, нам его и разбирать. – Сказал, как отрубил.

Слушая соседку, Мария судорожно дрожала, не зная, как встретится со Степаном. А он пришел на заимку на второй день под вечер. Увидев его на пороге, Мария похолодела. скрестила на груди руки, бухнулась на колени.

– Вот еще чево? – строго сказал он, коснулся рукой Марииного плеча. – Чего конфузишь меня перед ребятами? – буркнул, присел к столу.

Ребятишки, отвыкшие видеть в избе мужчину, насупились, один по одному залезли на деревянную кровать, стали прятаться под одеяло.

– Вы чё, ребята? Это ведь наш дядя Степан пришел. Вы чё это напугались-то? – сквозь слезы говорила Мария, поправляя ребятишкам взлохмаченные головы. – Сколько я раз вам про него говорила? Чё же вы так, а?

Мария металась по избе, как пойманная мышь в мышеловке, и, не найдя места, села на порог, заголосила, уткнув лицо в фартук. Степан

не уговаривал ее, не успокаивал, но когда захныкал в висевшей посреди избы зыбке малыш, он встал, откинул ветхий полог.

– Ну, как растешь, мужик?

Из зыбки послышалось радостное воркование. – Назвала-то как? – спросил Степан и состроив из двух пальцев «козу», пощекотал малыша.

– Никак еще, – кусая губы, ответила Мария. – Тебя жду. Все сказывали: скоро ты приедешь после тяжелого ранения.

Слова Марин как подкосили Степана. От них он опешил и размяк. Никогда не думал, что от таких слов все круто повернется в его душе. Он смотрел вниз на чисто вымытые половицы, видел шерстяные носки, одетые на ногах Марии, краешек фартука с оборками и молчал. Пальцы, которые он не убрал из зыбки, царапали острые коготки малыша, тянули к себе. Скоро Степан ощутил прикосновение к ним влажных детских губ. Он попробовал убрать руку, но не мог. Малыш, вцепившись, тянулся за ней.

– Вставай, вставай, Гонин! Растаи большим! – наклонившись над зыбкой, говорил Степан, глухо кашляя в кулак. – Видать, крепким парнем будешь!

Мария не помнит, как очутилась возле Степана, бросилась ему на шею, запричитала.

– Не вздумай парня на какую чужую фамилию записать. Чтобы все как надо, все аккуратно было. Чтобы все под одной крышей жили. – Сказал и заторопился выйти из избы. Он долго стоял на крыльце, курил, потом вернулся, подержал на руках каждого из ребятишек и, не говоря ни слова, ушел.

...Лениво, как не свою, Мария повернула голову, обшарила каждый угол избы, будто хотела увидеть Степана, опершегося на костыли, в солдатской гимнастерке с блестящими на груди воинскими наградами.

– Ты, бабушка, опять про войну? – спросил внучек, подавая ей клетчатый шарф, чтоб она повязала его вокруг шеи.

– Про нее, окаянную. Про нее, Сереженька. Ее ведь никому забывать нельзя. – Мария взяла с приступа печи висячий замок и вышла на крыльцо.

Утро открыло дали. В стороне, за рекой виднелись припорошенные снегом стога. У поворота обозначился санный след. «Кто-то из сельских мужиков за первосеяком поехал. Пожалуй, Афанасий Горцунов. У них сено на правобережной стороне реки, а через Серсбрянку сейчас еще не проехать. Лед хрусткий».

VII

В новой избе, которую Степан Гонин срубил после войны, самую большую часть занимала кухня с русской печью посередине и крашеными лавками вдоль стен. Поговаривали, что Степан нарочно так сделал: для гонинских солдаток, которые не было дня, чтобы не заглядывали к ним.

Ульяна года два назад принесла с собой стеганку, по секрету пожаловалась Дарье, что от сиденья на жесткой табуретке у нее стала ныть поясница и болью отдавать в спину. Раисой место было облюбовано на лавке возле окна, откуда просматривалась улица до самого берега. Мария ставила табуретку поближе к двери: с заимки всегда прибегала припоздав, да и срывалась первая. Хозяйка дома Дарья – постоянного места не имела, садилась, где придется, но последнее время чаще присаживалась к Ульяне, возле печки, погреть спину.

В теплой кухне у Дарьи было уютно и все под рукой. В ней стоял, как говорила Мария, сытный воздух. От печи шел то ароматный дух морковных и брюквенных паренок, то топленого молока, то картофельных щей. Сегодня пахло тушеной капустой. Они насолостили ее целую бочку без моркови, с укропом и, как любил Степан, оставили верхние слои нарезанные тонкими пластинками. Сидели молча. Явившаяся тишина отняла слова, и, с утра перевероротив память, каждая почувствовала в себе опустошение.

– Что-то Евгения Николаевна долго не идет, – сказала Ульяна. – Темнеет уже.

– Опять какое-нибудь заседание али бюро, – ответила Дарья, подвигая табуретку поближе к печи. – У них, у партийцев, делов век не переделывать. Везде надо быть, везде поспеть.

Осенний день угасал. Через отпотевшее стекло на бусом небе вырисовывалась темная крыша соседнего дома с высокой трубой и жестяной копылухой, приделанной специально для укрытия от снежных заносов.

Думы, которые с самого утра бередила каждая, не прошли бесследно. Они умаяли их, все вокруг казалось незначительным, необязательным и совсем нелепым, даже ошеломляющим показался голос Раисы, которая ни с того, ни с чего голосисто затянула:

– Отец мой был природный па-а-а-харь!

– Ты чё, одурела? – в испуге прикрикнула на нее Мария. – Не нашла боле дня?

– А теперь и поминки справляют по-новому: пьют, гуляют, песни поют. Говорят, что при жизни человеку любо было, тем и вспоминать надо, – ответила Раиса.

– Нашим мужикам не до песен было, – воткнув веретено в серый пучок шерсти, сказала Ульяна. – Какими их помним, так и вспоминать будем.

Распахнулась дверь и на пороге появился Степан. Он с минуту постоял, подержался о косяк и сел на пол.

– Фу, – шумно выдохнул, обмяк, упершись ладонью о порог.

Бабы замерли.

– Ладно ли с тобой? – закричала Дарья, подбежала, сдернула с головы шапку. Степан набычился, стараясь приподнять голову, чихнул несколько раз, пошевелил ноздрями. Взгляд его был блуждающим и не мог ни за что зацепиться.

– Чо это с ним? – прошептала Ульяна. – Скорую помощь вызывать надо.

– Да пьянхонький он. Не слышишь, чё ли, какая душища от пего несет! Где его угораздило сэтолько выпить?

– Так я и знал: тут оно, мое бабье царство, – задыхаясь частым дыханием, выкрикнул Степан, сисясь подняться. – Так я и знал: тута они! Так и знал.

– А где бы им еще быть? Да особенно перед таким днем. Бога побойся, что мелешь! – кричала Дарья, туже завязывая платок вокруг головы. Но Степан не слышал ее, не видел укоряющего взгляда. В эти минуты он был не способен ни о чем думать, соображать. Вся память его как провалилась.

Остановив взгляд на Раисе, он сощурился, сплюнул с губ присохшую соринку табака, прорыгал растягивая:

– Это-о-о-о ты, женщи-на кра-си-вая?

– Ты чего разбрызгался слюной-то? Или она в тебе давно кипела да сохла на губах? – закричала Мария, несколько раз трянула Степана за плечо, будто хотела разбудить его.

– Но, но! Повакуратнее. Я вот доберусь до вас. Ишь, девы святые нашлись. Каждый из-за вас в нос тычет: Степан-то Гонин всех снох охомутил, бабам не дал ходу. А на кой мне ляд такие упреки слушать? – Он припал головой к косяку и забурчал что-то непонятное.

Разморившись в тепле, стал бессилён и беспомощен, пытался при-встать, но тело его завихлялось, будто в нем не было позвоночника, руки с длинными узловатыми пальцами цепко схватились за косяк. От каждого движения косяк скрипел, из расщелин досок на пол сыпалась мелкая известковая пыль.

– Повакуратнее, повакуратнее! – бормотал он, намереваясь встать.

– Вот погодите, я до вас доберусь. Я вас сще всех замуж растолкаю.

– Ты чё мелешь-то? Ты хоть память-то не растрес по дороге? – всплеснула руками Мария.

Никто не знал причину накотившейся на него блажи. Столько лет самых трудных, он, на диво всему селу, терпеливо, самозабвенно тянул изо всех сил заботы о семьях погибших на войне братьев. А не будь этой войны, вся эта работа распределилась бы на плечи четырех мужиков.

Степан не замечал, как годы сысподтиху отнимали у гонинских вдов бабью статью и красу, и не думал, что вдруг ни с того ни с чего ему поставят в вину их одиноко прожитые годы.

А началось все с ничего.

Утром, как и обещал, он пришел на работу в совхозную мастерскую, куда частенько звали его, особенно к концу месяца, когда скапливалась работа. Мастер Захар, с которым они проработали много лет, как и было условлено, накануне прислал ему записку. Степан, соскучившись по работе, пришел рано. Сторож Никита Чунров нехотя встал с деревянного топчана и пробурчал:

– И охота тебе, Степан Иванович, вставать в такую рань.

– От лежания во всем теле ломота зачинается, как зубная боль. Не знаю, кто как коротает время, а мне муторно, сил нет, – ответил Степан и вошел в мастерскую.

Привычный запах огненной стружки, солярки, гари всегда жил здесь: пропитал стены, пол, двери, каждую мелкую деталь. Этот запах остановил Степана, ему казалось, что, подышав его, он успокаивается.

В окно мастерской заглядывало утреннее солнце. Оно осветило дальний угол с кузнечной печью, токарным станком. Степан подошел к станку, включил, сделал несколько оборотов, облегченно вздохнул, принимаясь вытачивать втулку. Но заметил, что непривычная торопливость мешала ему, и он скоро вспотел. Остановил станок, огляделся по сторонам. В мастерской никого не было. «Отвык, – мелькнула мысль. – Сноровка потерялась. Так же было после войны. Сколько поту прошло, пока в руки ловкость поймал».

Скоро пришел Захар, кузнец Калистрат, и мастерская наполнилась привычным рабочим шумом и грохотом, который звонким колоколом отзывался в душе Степана. Настроение радости жило в нем весь день, и когда завсегдатай магазина сельпо Калистрат Овчинников позвал его отведать после законного трудового дня свежепривезенной ягодной бормотухи, с охотой согласился.

Выпитая настойка скоро ударила в голову, пошли разные суды-пересуды. В хмельном угаре всяк господин, волен болтать за что ум зацепится, потому как в это время у человека душа не при себе, а как бы на растерзание черту отдана.

– Ты мне, Калистрат, какую-нибудь загогулю припас? Знаю я тебя, – сказал Степан, обтирая большим серым платком вспотевший лоб.

– Только честно скажу, припоздал. Теперь, считай, наша с тобой главная дорога отмерена и все вешки на ней расставлены.

Калистрат захохотал, выставил напоказ темные зубы, почесал затылок:

– Это ты верно сказал: дорога главная у нас отмерена. А вот как бы возвратить лет с десятков назад?

– А на что десяток? – не согласился Степан. – Уж если бы такое счастье выпало, я на больше размахнулся бы. Сказал бы: подавайте молодость мою!

Калистрат захлебнулся от его слов. Задышал часто и шумно, в глазах засверкали недобрые огоньки. Степану поначалу показалось, что у него от выпитого вина замельтешило в глазах. Он несколько раз хлопнул веками, уставился на Калистрата.

– Ты чего?

– Да так, – ответил Калистрат, наливая Степану стакан до краев. – Пошли ко мне, тут не тот разговор.

Дом Овчинникова стоял в узеньком переулке, на взгорье. В огороде и с уличной стороны росли березы, оголенные ветки шумно свистели на ветру. Ступеньки к калитке, выдолбленные в земле до самой вершины крутизны, были выметены. Из распахнутой двери вырвался веселый наигрыш гармошки.

– У тебя там гулянка какая? – подскользнувшись на ступеньке, спросил Степан и остановился. – Мне, Калистрат, сегодня некогда. Это тебе честным словом говорю. Да и взбираться на твою гору несподручно. Нога нынче разболелась.

– Да ладно, – бурчал Калистрат. – Пошли. Другого такого разу может и не статья.

В это время избяная дверь опять широко распахнулась, и на пороге показался калистратовский сосед – Гордей Курышкин с растянутой гармошкой через всю грудь.

– Это в кои веки сам Степан Гонин с мужиками разговелся? – кричал Гордей, опускаясь по промерзлым земляным ступенькам и протягивая руку. Ремень гармошки сполз с плеча, гармошка растянулась до земли, и запавший клавиш тянул одну визгливую ноту. Лицо Гордея, вдоль и поперек исчерченное мелкими морщинками, светилось издалека, как угольки в загнете, таяли темные глаза. Он что-то бормотал.

Степан вначале не обратил внимания на его бормотание, но закатыстый смех Калистрата ошарашил его.

– Чего ты сказал? – спросил Степан, вскочил на взгорку, забыв про боль в ноге.

– Чего слышал, – ответил Гордей, передернув от холода плечами, и семеня побежал в избу.

– Не-ет! Ты мне повтори, что сказал? – кричал Степан, влетая за ним в сени. – Нет. Ты мне выкладывай, чего пролепетал?

– Широко улыбаться будешь, если услышишь все, – ответил Гордей.

– Будет вам. Перестаньте, – закричал Калистрат с порога.

Но Степан уже выдернул из рук гармошку, схватил Гордея за грудки...

– Чего на горе мямлил, повторяй, – орал Степан. – Сказывай, на чём намекал, а не то придушу, как клопа вонючего!

На Гордея с перепугу напал чих. На лысой голове выступил пот, от крепко натянутого воротника рубахи краснела шея, багровели щеки.

– Про баб гонинских говорил. Ну и чего? – закричал в лицо Степану Гордей. – Чего как черт взбесился? Видно, знаешь свою вину перед ними, а?

– Ты чево про них говоришь, поганник? Чево ты их имена упоминаешь, а?

– А то, что ты таких баб навечно вдовами оставил. Бабы-то кровь с молокам были, а зацвели из-за тебя! Все с прижатыми подолами прожили. А кто виноват? Ты! – кричал Гордей, ощупывая покрасневшую шею. – Да! Ты!

Степан сразу отяжелел, грохнулся на стул, уставив на Гордея немигающий взгляд.

– Ты, пустомеля, замолчи, – пригрозил Гордею Калистрат, заметив, как Степан сошел с лица, сторбился вдруг, склонил голову над столом и сидел безразличный ко всему, что делали и говорили рядом.

Он плохо помнит, кто проводил его до дому, и очнулся, когда перешагнул порог. Увидев, как в тумане, на кухне Дарью, Ульяну, Раису, Марию, у него на глазах закипела слеза. «А ты спросил их: нужна ли им твоя опека? – доносился откуда-то издали голос Гордея Курышкина. – Да они тебя совестились. А ты будто не видел, всё кряхтел, все выбуривал взглядами из-под лба».

– Значит, я у вас молодость украл, да? – спросил Степан, сидя на полу, покачивая головой. – Значит, вы все совестились меня? Значит, так? – Степан швырнул носом, размазал по щеке слезы.

– Да не слушайте вы его, бабы, – рассердившись, сказала Дарья.

Как раз в эти минуты на пороге появилась Евгения Николаевна. В суете не поняв, что происходит, она бросилась к Степану, прижалась щекой к его щетине и, услышав его бормотание, заплакала, спрятав лицо в ладони.

– Не плачь, а помогай нам затащить его в спальню, – еле разгибаясь, говорила Дарья, потом привстала на одно колено, приподняла голову Степана, которую он нарочно уронил на пол.

– Во, окаянный, канифолится. Хоть и худой, а какой тяжелющий.

– Не слушай их, Женя. Они вот, сговорились и тиранят меня, – бормотал Степан, силясь не поддаваться. Потом то ли устал, то ли понял, что ему с бабами не совладать, успокоился.

Евгения Николаевна, осторожно стащив с его ног валенки, вздрогнула. Она еще не поняла отчего, но зажмурила глаза, мысль остановилась, застыла на месте. Приподняв ногу Степана, она увидела возле косточки слева красноватое родимое пятнышко, точь-в-точь такое, какое было на ноге у Павлуши.

Перед глазами все расплылось, закачалось, помутнело. Голова несколько раз качнулась из стороны в сторону, но, собрав в себе силы, Женя отшатнулась к стене, чтобы не выдавать своей растерянности. «Что же это я? Что же?» – думала она, не в силах открыть глаза.

– Чё же это вы, бабы? Чё вы напугались? Ведь ничего ему не пришло. Лежит вон, бормочет. Раиса, чё молчишь? Ты-то здоровше других. Неужто так тяжело было? Неужто пристали? Завтра отстыдим его как надо.

Будет у нас рожей-то вертеть, – говорила Дарья, шаркая ногами о крашенные половицы.

Прожив всю жизнь возле Степана, Дарья не знала бабьей тоски. Не знала, как бывает необходимо после суматошного дня кому-то пожаловаться на усталость, на свои обиды, хоть ненадолго с закрытыми глазами сказать слова, которые не приходят в широкую дневную пору, и на миг почувствовать себя защищенной.

А в избе стояла тишина без звука, без вздоха, без шороха. Даже часы на стене не тикали, их цепочку, как нарочно, придавила спиной Мария. Совсем неожиданный храп Степана пришел на выручку тишине.

– Чё я вам говорила? Слышите? – сказала Дарья, облегченно вздохнув.

Снова в избе стихло. Воспоминания солдаток, всегда жившие в душ, обожгли, унесли к местам, где возвышалась, поднималась к самому поднебесью их любовь, неопознанная до конца, остановленная на полдороге проклятой всякими словами войной.

– Милые вы мои, – прошептала Дарья и замолчала. «Нет, Дарья, ты счастливая. Все твои обиды – не обиды, все твои беды – не беды. Подле тебя – Степан», – вспомнила она однажды оброненные слова Ульяны. Только теперь они выплыли из ее памяти, и она, осознавая их смысл, шептала: «Милые вы мои. Милые!»

VIII

В это утро Степану не хотелось открывать глаза. Еще подсознательно, не допуская мысли зацепиться одна за другой, он морщился, начинал стонать. Вначале тихо, про себя, чуть шевеля губами, но потом, как яснее припоминался вчерашний вечер, вздохи становились громче, грудь поднималась, и, лежа на подушке, он вытягивал шею, пытаясь увидеть на кухне Дарью.

– Не приставляйся, богохульник, – услышал голос Дарьи. – Ишь, стонота на него напала. Ты хоть помнишь, какую окоlesiцу вчерась нес, а? Как сегодня бабам в глаза смотреть станешь, а? У меня от твоей вчерашней болтовни поясница отнимается, – слетело с губ Дарьи, и, уловив в ее голосе ласку, Степан пробурчал:

– Охота была надсажаться. Волочь меня на кровать. Откуда только и сила взялась?

– А слова-то какие ты поганые молол, срам.

– Но ты, повакуратнее, повакуратнее, – отмахивался от ее слов Степан.

Дарья ушла, но и от этого Степану стало не легче, а наоборот, тошнее, он опять застонал. Его мучил стыд перед женами братьев. Он знал, что они все простят ему, махнут рукой на то, что он говорил им по пьяному делу. «Но разве в этом суть! Разве в этом?» – думал он и снова позвал Дарью.

– Ты садись вот сюда. Вот сюда, – отодвигая ногой одеяло, оказал он.

– Когда сидеть-то? Или запамятовал? На кладбище собираться надо. Они же к нам придут.

– Нет. Ты садись, садись.

Дарья подумала, что хватит ей изводить мужика, который и так переживает все утро, присела, положила тяжелые руки на подол юбки.

– Ты мне скажи. Только по совести. Будто смотришь на меня чужими глазами, – сказал Степан, облизывая сухие губы.

– Это как мне на тебя глядсть чужими глазами? – переспросила Дарья.

– Ну, будто ты со стороны на меня. На всех нас, гонинских, смотришь.

– Это ты к чему такое говоришь?

– Да перестань ты. Ничего в моих словах чудного нет. Ну как тебе кажется со стороны: есть моя вина в том, что бабы наши всю жизнь вдовами проходили? Замуж не вышли?

– Ты опять замолол не свое! – рассердилась Дарья, собираясь встать.

– Постой! – закричал Степан, вскакивая с постели. – Я тебя по добру, на полном сурьезе опрашиваю. Есть тут моя вина?

Дарья, не готовая ответить Степану, устала удивленные глаза, задышала глубоко и часто.

– То-то и оно, – сказал Степан. – То-то и оно. Сказать нечего. А вот люди винят меня. Мол, все это от моей строгости так у них жизнь обернулась. Засушил, мол, я баб на корню. Поди докажи людям, что не так. На всякий роток не накинешь платок. – Дарья молчала.

– Вот какие крендел-и-и-и, – протянул Степан, сел, упершись ладонями о худые острые колени.

– Про то их самих спросить надо, – осторожно, с боязнью в голосе сказала Дарья, мало-помалу понимая суть сказанных Степаном слов.

– Как же, – сердито ответил Степан, закачал головой из стороны в сторону. – Только теперь и пришла пора спросить: как, мол, ты, Ульяна, Раиса, Мария, Евгения Николаевна, не считаете меня перед вами виноватым? А то, может, думаете, что я вашу молодость украл?

Дарья, растроганная его словами, не сдюжила, заплакала.

– Еще ты расквася, – сказал Степан и пошел умываться.

За дверью послышались шаги. Догадавшись, что это идут невестки, он заторопился, ополоснул лицо и, не открывая глаз, будто в них попало мыло, сказал:

– Ой, бабы, бабы! – В голосе его было такое раскаяние и сокрушение, что Ульяна не выдержала:

– Сон-то, Степанушка, отнял у меня этой ночью, – сказала она глуховатым голосом, поправляя выбившиеся из-под платка седые тонкие прядки волос. – Слова все выкручивал с подковырками, но все они припоздали. Если бы поране это сказал – может, пообиделись, а теперь – жизнь нами спроворена. Но ты всякому, кто нашу долю солдатскую оплакивать начнет, – в шары наплюй. Незряшную жизнь прожили, а самую путевую. Как солдаткам судьбой положено... И мужики не зазря головы сложили – никто такое сказать не посмеет.

Ульяна подошла к Степану, приподнялась на цыпочках, погладила но плечу и сказала:

– Ладно тебе. Забормотал вчера и будет. Айда, собирайся, и так припоздали.

Дарья достала из старого кованого ящика гимнастерку, в которой Степан вернулся домой с войны, потянула рукава, осмотрела ворот, локти и потрогала дырочки повыше карманов.

Степан, одеваясь, приложил гимнастерку к лицу, несколько раз вдохнул в себя воздух, обтер подолом глаза.

– Дымом что-то пахнет, – сказал он.

– Собирай больше, – обиженно ответила Дарья. – Каждый год после поминок стираю. Поди, за тридцать-то раз отмыла дым и копоть. Степан ничего не ответил, приподнял подбородок, долго застегивал

будто отыскивал строй. Холодный ветер разбрасывал в сторону полы старой солдатской шинели. Под тяжелыми кирзовыми сапогами глухо стучала замерзшая земля.

Степан шел, оглядывая сельскую улицу, хорошо знакомую с мальчишеских лет, улицу, на которой каждая пядь была тысячи раз исхожена и каждая хатенка, и даже скамеечка у ворот – познана до пятнышка. К удивлению своему, Степан как бы вдруг, будто впервые увидел эту улицу. Здорово изменилась она! И новая школа, окруженная большим садом, и Дом культуры, построенный на возвышенном месте, к которому вели широкие ступеньки, и добротные дома, появившиеся вместо прежних подслеповатых в две, три приземистых хатенки... «Ах ты, Сосново, Сосново!» – почему-то глубоко вздохнул Степан, и самому непонятно было – чего это вздыхает: или глухая тоска по привычному, или тайная радость от того, что родное Сосново становится иным – широким, красивым, добротным и совсем новым.

Степан окинул взором заснеженные поля за домами, по которым дымными струями металась поземка, промерзшие ветки деревьев, на которых кое-где металась два-три уцелевших листа. И воображение увело его к тем недавним неделям, когда на этих полях шла битва за хлеб, к страдным дням. В своем воображении он видел неоглядные золотые просторы, на которых лежали валки скошенной драгоценной пшеницы, клубились густо-зеленые сады, окропленные солнечным соком... Вот оно, Сосново в цвету, в отсветах осеннего солнца...

«Ох, ты, наваждение! – подумал Степан. И тут же горестная мысль пронзила: – Сколько людской крови пролито за тебя, родная земля!»

Мысль Степана вернулась к тому, куда и зачем он шел, к могиле Павла, к солдату, тяжело раненному далеко от Сосново, на поле боя где-то на Курской дуге, дожившему свои последние дни на этой земле, где родился. Но для него – русского крестьянина и русского солдата, – отдавшего свою кровь за всю Родину, и за свое Сосново, нет смерти и нет забвения.

Шаг за шагом Степан шел увереннее, изредка посматривая на баб, которые старались не отставать от него, шли молча, чуть пригнув головы.

Прохожие, издали узнав Гониных, останавливались, по живущей в народе традиции вставали позади и шли на кладбище.

Степанида, сгорбившись от старости пополам, неугадливо застегивала на шали булавку, торопилась за всеми.

Ворота на кладбище были заперты. Глуховатый могильщик по прозвищу Заноза выскочил на крыльцо избышки, не успев спрятать в валенок портянки, заторопился открыть замок.

Павел ПЛЮХИН

О той войне...

Жесток и груб наш современный мир,
Но я хочу, чтоб в мире этом
Был громче пушек голос лир,
Глаза без слёз

искрились светом!

Солдаты, победившие войну,
Блокадники и труженики тыла,
Вам не понять порою ту страну,
Которая вас в старости забыла...
Вы не привыкли хныкать у дверей,
И для себя просить вы не привыкли,
На фронте было в сотню раз больней,
Но победили,

выжили,

не сникли!

Пусть в день Победы музыка играет,
Шульженко и Бернес для вас поют!
...Но вот забыться раны не дают,
О той ВОЙНЕ они напоминают!

Размышления...

В истории Отечества, поверьте,
Прискорбно это говорить,
Солдата чтят лишь после смерти,
Не воевать ему б,

а жить!!!

Детей растить,

пахать

и строить,

По горло ведь хлопот и дел,
И я секрета не открою,
Как жить любой из них хотел!
Но приходили похоронки,
Сердца отравливая болью,
И вдовы плакали в сторонке,
Свыкаясь с новой женской ролью...
Любой семьи российской нет,
Где не испит войны глоток,

Гренада КУЗНЕЦОВА

Опора

Бабушка мне мамой и отцом
Всю войну была. Родители врачами
На фронтах, а я был сорванцом
Восьмилетним, доставлял печали.
Часто повторяла мне она:
«Неизвестно, долго или скоро...
Но, Сергей, пока идет война,
Ты – моя надежда и опора».
Рвался я к родителям на фронт.
Эшелонами от Барнаула
До Москвы добрался, только вот
Розысками бабушка вернула.
Я за десять дней по поездам
В старца превратился из ребенка.
Только я вернулся, и – тогда
На отца пришла нам похоронка.
Я крепился, к бабушке преник:
«Не спасти, не плачь», –
Ей говорил с укором...
Но не повернулся мой язык
Повторить, что я ее опора.

Лик победителя

Он кровью своей заливал
Пожар, что над Родиной властвовал,
Он нервами небо сшивал,
Что свастикой было распластано.

Он верил: Земля оживет
И племя достойное вырастет.
Он верил: воспрянет народ
И путь к процветанию вымостит.

Всепобеждающей любви

В конце войны с осколками в спине,
С ногами, высохшими, словно плети,
Он появился в Бийском лазарете.
Молчал. Лежал. Всегда лицом к стене.
Он знал раненья строгий приговор.
Тянулись дни, как отступленья версты,
А мысль одна его пронзала остро:
Зачем еще он дышит до сих пор?
Людмила, щупленькая медсестра,
От мыслей тягостных отвлечь старалась
И мучилась, что ей не удавалось
Тон убедительный и слово подобрать.
Над изголовьем низко наклоняясь,
Однажды, поправляя одеяло,
Она вдруг неожиданно сказала:
«Вы будете ходить, настанет час!»
И он впервые на нее взглянул,
Уверенность увидел в ее лице...
И солнечные на стене отметил блики,
Что предвещают скорую весну.
И этот день стал переломным днем –
Василия, как будто подменили.
Он оживал. И радостно Людмиле
Такое измененье видеть в нем.
Теперь он, сидя, что-то мастерил.
И крепло их взаимное общенье,
Людмила отмечала с удивленьем –
Он сердце ей и душу покориł.
«Война, твоя надолго кабала...
Красавицы-невесты – те же вдовы,
И наша Люда не нашла другого,
В мужья калеку-парня привела».
Кручинилась Людмила родня,
Но вскоре их сомненья отступили:
Коляску сам себе соорудил Василий
И по хозяйству до исхода дня.
Он на подворье, где его все ждут:
То живность кормит, вставши спозаранок,
То мастерит: ножовка и рубанок.

Виктор КОЗЛОВ

Радость в сердце пообвыкла,
Я поверил, наконец:
На двухдневную побывку
Приезжает к нам отец!
Едет полк его на запад
Из Улан-Удэ – Читы!..
У отца казенный запах,
Но родимые черты.
Он меня совсем затискал,
Так к груди своей прижал,
Я от счастья только пискнул..
Он меня под мышки взял
И подкинул: – Ну-ка, сынка!
Вот так сынка! – говорит..
А на матери косынка
Синим пламенем горит.
А в глазах то жар, то холод:
– Коля. Коль, не урони!..
Был отец силен и молод.
Командирские ремни
Хорошо на нем сидели.
– Не грустите, я вернусь! –
Обещал он. Мы ревели:
Горе шло к нам, а не грусть.

Мальчишки топчут лебеду...

А мы крапиву не губили
И не топтали лебеду –
Их собирали на еду,
Хоть, может, тоже не любили.

У нас тогда в любое время
Мерцал в глазах голодный блеск.
Мы шли на корм подножный в лес,
Чтоб матерям облегчить бремя.

Из лебеды был хлеб, как яшма
Зернисто-черная. Тяжел
И горек был он, словно желчь
Что и поныне вспомнить страшно.

***

Я из тех, кто сейчас вымирает:
Что за спонсоры – Совесть и Честь!
Колоски мы когда собирали,
Не могли даже зернышка съесть:
«Все для фронта!..»
И после Победы
Мы трудились опять задарма:
То на верного друга – соседа,
То на Родину – в закрома.
А теперь, при всеобщем раздрае,
Ложь и наглость, коварство и лесть
Замутили рассудок всем здравый,
Растоптали и Совесть, и Честь.
Нынче в фаворе хам и бесстыдник,
И проныра под видом купца.
...За Россию, конечно, обидно,
Но обиднее мне – за отца.

Конец века

Как ласточки на проводах – кукушки!
Откуковал свое двадцатый век,
И у тысячелетья на макушке
Устало сел, не поднимая век...
Чего ж грустишь? Пусть многое не сбылось.
И многое забудется... но я
Не позабуду, как беззвучно билась
Мать с похоронкою отца моя...

И не забудется среди торжеств, в угаре,
Ведь пенье скрипок перекроет гонг?!
Как вслух сказал: «Поехали!» – Гагарин,
И что сказал про лунный шаг Армстронг...
Не позабудется и многое другое –
Что станет знаком переменных лет.
И сбудется пророчество благое:
Россию эра ждет

Свершений

И побед.

Комсомол – наш вожак и подмога,
И хотелось себя испытать
В жизни чем-то совсем небывалым,
Неизвестностью звал горизонт.
Зря ль, считался толковым я малым,
Коль доверили новый «Фордзон»?!
Трактористом – на зависть работа,
Хоть страдать больше многих в страду,
Но такие земные красоты
Только я от восходов найду!
И работалось мне, как учили,
Словно выдумка наших газет,
Так пахал, что за это вручили
Верх мечтания – велосипед!
Не страшился ни тьмы, ни тумана,
Объезжал все деревни окрест,
Отпахав и отсевая сверх плана:
Невозможно парням без невест!
Сколько силы природа давала,
Всё мне было тогда по плечу!
И казалось: ни много ни мало,
Что удачу за хвост ухвачу.
Никогда я лозою не гнулся,
Безотказен, сноровист, умел.
С малолетства к оружию тянулся,
Как туляк, револьвер заимел.
Если б, знать наперёд то, что будет,
Все бы жили тогда по уму.
За поступки нас жизнь строго судит,
За наган и познал я тюрьму.
Осудили меня в сельсовете.
Земляки удивлялись: за что?
Каждый третий был при пистолете
И никто не сажал их за то.
Отбывать срок ушёл без конвоя,
На душе словно тысячи жал.
Не могу позабыть одного я,
Как братишка за мною бежал!
Потекла жизнь моя по теченью,
Не расскажешь о ней в трёх словах:

И на пашне точил глазомер,
Словно к этому жизнь подводила,
Чтоб теперь стали ставить в пример.
На манёврах, в казарме, в окопе
Я всерьёз относился к делам,
А бои громыхали в Европе,
С каждым днём приближаясь и к нам.
Но, даю своё честное слово:
Не смогли бы нас взять на испуг,
Ведь считалось: к войне мы готовы!
Началась она всё-таки, вдруг.
Да не так воевать мы хотели:
Чтоб не в лоб, и всегда упреждать...
Там сражались с врагом, как умели,
Но учили нас тут побеждать.
Добровольцами мы не писались,
Но рвались в бой, желаньем горя.
Турок тоже тогда опасались,
И в тылу нас держали не зря.
А на западе – боль и страданье,
Отчий край – под фашистской пятой.
Успокаивало оправданье
В том, что жизнь не бывает простой.
Но смогли воспротивиться силе,
Иногда уступая опять:
Под Москвою врага потеснили,
А на юге он стал наступать.
Орды к Волге рвались, к Сталинграду
Испытаньем на нашем веку,
Чтоб лавиной, сметая преграды,
Захватить нефтеносный Баку.
Всё продумано было в их плане.
Немчура по-живому кроил,
Чтобы стали рабами славяне.
А когда шли в Придонье бои,
Поспешили к своим на подмогу,
Наконец-то настал наш черёд.
Собрались по приказу в дорогу:
– По вагонам! И – полный вперед!

Душу колет больней, чем жнивье!
Над вопросом совсем изметался:
Почему я про это молчал?
И тогда ж, наверстать попытался,
Хоть на фронте не место начал.
В повседневной, привычной отваге
Сделал то, что и раньше бы мог:
Я все чувства доверил бумаге!
Карандашный обломыш помог.
Не отцу написал я, а маме,
Да отправить письмо не успел!
До конца оставаясь бойцами,
Коль такой уготован удел,
Мы за Дон уходить не пытались,
Отступали на том берегу.
Здесь тела наши ждать их остались,
Как трофеи, доставшись врагу.
Для немёртвых и жить, может, горше!
Не пришлось долго мне воевать:
Налетел «Мессершмит», словно коршун,
И – заставил родных горевать.

Я в окопе остался навечно!
Надо мной – ни звезды, ни креста.
Птица лишь прощепечет беспечно,
Мне напомнив родные места...

гуттаперчевой «головошей» и упорхнул с подоконника по наверняка таким же важным делам.

Пичуга, а сколько разнообразия – пусть и мимолетного – внесла она в мой окрашенный серыми полутонами мир.

«Бача» – смаковал я это афганское слово – «Бача!» И опять – как наваждение: будто легкий, теплый, пахнувший верблюжьей колючкой ветерок пробежал по палате, взъерошил мои волосы, сбросил на пол половинку старой газеты с тумбочки и запутался в шторе. Я на самом деле ощутил на своем лице его прикосновение. Почувствовал его запах!.. «Салам, Бача!»

Сегодня «нашего полку» прибыло. В палату на каталке ввезли нового пациента, находящегося, кстати сказать, не в лучшем состоянии, чем я. Отделение реанимации и предназначено для размещения в нем именно такого контингента больных. Отсюда отправляют или в палату для выздоравливающих, или же в подвальное помещение с прекрасным выбором холодильников. Первый вариант, конечно, предпочтительнее, но к сожалению, мало зависит от желания пациентов.

Изможденное лицо моего нового соседа было бледным. По репликам санитаров и ровному дыханию привезенного понял: после операции, под наркозом.

От вынужденного безделья – благо я лежал так, что мог наблюдать за соседом – пытался угадать, кто он, сколько ему лет, чем занимался. На кровать с каталки санитары переложили чуть больше половины того, кем он был раньше. У раненого были ампутированы ноги намного выше колен, что представляло собой жуткую картину: светловолосый, широкоплечий, в прошлом, видно, высокий мужчина, но теперь уместившийся бы на детской кроватке... Сердце сдавило, словно чья-то невидимая рука сжала его: «Господи! Сколько же это будет продолжаться? Почему твои сыны, Родина, гибнут и становятся калеками? Ради чего? В сотый раз самому себе задавал я один и тот же вопрос – ради чего?» Слезы потекли по щекам, но я не заметил этого. Обида и злость душили. Как хотелось думать, что это всего лишь сон, страшный, кошмарный, но сон, и когда-нибудь все-таки наступит долгожданное пробуждение. ПРОБУЖДЕНИЕ! Каждой клеточкой своего тела я жаждал его! Засыпал с детской верой в сказочное превращение поутру. Но неотвратимо наступающее утро разочаровывало меня одной и той же картиной белой пустоты...

В палату вошла Марина – нахохлившаяся, как воробышек.

– Пить не хотите? – спросила она, участливо заглядывая мне в лицо.

Вид у меня, наверное, был очень жалкий: мокрые, красные от слез глаза, край простыни зажат в зубах. Я промолчал, но она по-своему

Утром следующего дня Марина как-то странно посмотрела на меня. А может, мне все это показалось? Нет, не показалось. Взгляд ее был скорее недоумевающий, нежели заинтересованный. Глупо, конечно, но я не чувствовал себя ущемленным. Наверное, впервые за все дни, проведенные в госпитале, сон мой был крепок. Не мучили кошмары, отрывки боев, а наоборот – что-то приятное, доброе. Но вот что именно, вспомнить мне было не под силу. Как ни напрягал я свои «поросшие паутиной» извилины, как ни изощрялся, пытаюсь представить свой сон таким, каким мне хотелось бы его видеть – ничего не получалось.

– Как вы себя сегодня... чувствуете, Сергей?

– Прекрасно, моя добрая фея! Прелестно, мой ангел-хранитель! Можно сказать даже – великолепно! С каждым восходом солнца я жду твоего появления! День не рождается для меня, если по коридору не простучали «хрустальные» каблучки моей юной целительницы! И, о Господи! Пусть это повторяется изо дня в день, ибо с затиханием твоих шагов стихают и удары моего сердца!

Молоденькая сестра зарделась, что, кстати, очень нравилось мне. Редко в последнее время приходилось встречать еще способных стыдливо краснеть. Я же продолжал молотить чушь, прекрасно понимая, как нелепо выгляжу в ее глазах. Ну и пусть! Кто сказал, что нелепо – это плохо? Кто сможет переубедить меня в том, что жить – плохо? Кто сможет заставить меня поверить в то, во что я сам верить не желаю?!

Тупика нет и быть не может. Конечная станция мною не заказывалась. Фиг вам, господа! Вот такой большой, прямо преогромный КУ-КИШ! И мы с тобой, Маришка, преподнесем его им всем на серебряном блюде.

Пусть козыри в одной руке
И мой партнер «катала»,
Держу я фигу в кулаке
Для каждого нахала...

Даже две. Не в склад, не в лад dokonчил я свой экспромт, совершенно выдохшись в процессе столь бурной и несуровой речи.

Глаза Марины расширились от удивления и беспокойства за мое душевное здоровье. Я же «добил» ее последней репликой:

– Шампанского, «марафета» и девочек!

Но что сразило наповал меня самого, так это ответ Марины:

– Ш-ш-шампанского нет, спирт есть...

Я не выдержал и загоготал во весь голос, на всю палату. Не сдержался и чуть улыбнулся Олег. Маришка недоуменно перевела взгляд

Я словно наяву представил себе эту картину, только вот в роли отца новорожденного почему-то был я сам.

– Она тогда имя выбирать отказалась. Говорит: «Ты у нас в роли отца-роженника, вот сам и называй первенца!» Андреем и назвал. Андрей Олегович! Звучит?

– Еще как! – согласно закивал я.

– А вот остальные фотографии у меня за голенищем сапога были, в пакете целлофановом, вот с ногой и...

Олег надолго замолчал, а я старался ничем не нарушить ту тишину, в которой, может быть, мой сосед сейчас разговаривал сердцем со своими домашними: любимой женой, сыновьями.

Как-то примут его дома... таким? Нет! Примут! И все будет хорошо в этой Новой жизни!

5

О многом переговорили мы с Олежкой днями-ночами. Часто и Маришка была нашей слушательницей.

– Про те же самые суеверия, – начал я рассказ очередной истории. – Вернулся с очередного отпуска Витька Ширин, техник моей роты, молоденький совсем прапорщик, короче, пацан еще. Отметили мы это дело как положено, тем более что двойной повод был – женился он тогда.

– Как, спрашиваем, за месяц-то успел такое жизненно важное дело решить?

– Почему, – отвечает, – за месяц!? – Мы с детского сада вместе, и в школе за одной партой, и портфель таскал. Все как положено.

Аккурат перед Афганом свадьбу планировали. Не знали тогда, что каша такая заварится. Когда в части сказали, что еду, я свадьбу и отменил. Мало ли, говорю, что со мной случиться может...

– А сейчас что же? – спросил кто-то из присутствующих.

А вот сейчас – не устоял. Настена моя чуть ли не силой заставила.

– Как же это? – снова задал вопрос все тот же любопытный голос.

«Ты что хочешь думай про войну свою проклятую», – говорит она мне, – продолжал Витька. – И не поверите, не узнал я ее тогда: не девочка с косичками передо мной, а прямо мать-наставница, и словно опыт целой жизни у нее за плечами!

– Война, – говорит, – войной, а я, говорит, – чтобы ни случилось, в себе Витьку Ширина носить хочу!

Вот так при наших родителях и заявила! И злющая такая стоит, кошкой на меня зыркает. Хоть прямо сейчас бери и заделывай ей этого второго Витьку Ширина.

А если серьезно, ребята, я и сам с ней согласился. Старики у меня еще сильные, помогут, если чего. Зато род Шириных на мне не закончится. Один ведь я у своих-то...

ответственность за подчиненного и словно закодированное в мозг – слово ДОЛГ.

– Трудно это передать словами, – продолжил я и уже с иронией добавил, – забыл о самом главном – об обязательном блеске в глазах от осознания ответственности за поставленную задачу перед Партией и Правительством... Прошу прощения – отвлекся...

Икнулось нам тогда это двойное окружение. В армии нет ничего хуже, чем нарушение целостности, порядка, четкости в действиях и выполнении команд. Вот и в тот день – произошел сбой. Командир артдивизиона, полностью не сориентировавшись в обстановке, вдруг решил поддержать пехоту огнем. По просчету ли наводчика, не знаю, но снаряды пошли перелетом, почти по нашим позициям. Пока связались по радию, несколько из них уже успели разорваться вблизи нас. Один снаряд вообще, сделав непонятную мне до сих пор траекторию, прошел почти горизонтально над землей. И надо же было такому случиться, что именно в это время один из подопечных капитана Петухова решил перебежать на другое место. Смертоносный боеприпас угодил ему в живот, причем прошел, чуть коснувшись несчастного солдата. Он то ли прожег, то ли взрезал ему брюшину, и представьте себе, не повредил ни одного жизненно важного органа. Бедный солдатик стоял, ошарашенно ворочая глазами, не в силах сообразить, как и что произошло. Кишки вывалились наружу и змеевидной массой ворочались возле его ног. Я как раз находился недалеко. Подбежав к бойцу, попытался уложить его на землю, но он словно остолбенел. Состояние шока – объяснили мне потом медики. Долго не раздумывая, ударом в челюсть я свалил его с ног. Две ампулы промедола в плечо сделали свое дело. Кое-как уже втроем мы переложили его на плащ-палатку. Немногим позже раненого забрала «вертушка». Через три недели в расположении части я встретил этого ловца снарядов шествующим на завтрак. Он подошел ко мне и, стесняясь, словно девушка, тихо проговорил:

– Спасибо, товарищ лейтенант.

– За что? – не сразу сообразил я.

– За... челюсть, – и его лицо расплылось в благодарной улыбке, – кишки только промыли, засунули обратно, да пузо зашили.
– Повезло!

– Но самым удивительным и радостным для всех нас событием после того, когда эта операция все-таки закончилась, – выдержав небольшую паузу и ожидая реакцию слушателей на продолжение рассказа, я продекламировал, словно со сцены, – было появление... Витьки Ширина! Причем – с целым многобутылочным пакетом многозвездочного коньяка! Не переживайте, я в здравом рассудке, – предупредил я вопросы и недоуменные взгляды Олега и Маринки. Именно сам Ширин, правда, с перевязанным плечом, но зато с каким пакетом в руке!

Интересный был у меня начальник...

Жена его в Москве, где-то при Министерстве обороны, а он здесь – у черта на куличках. Водился, правда, грешок за ним – «Бахусом Михалычем» называли его за глаза сослуживцы, но уважали, пожалуй, побольше любого из «добропорядочных» служаек. Умнейший, скажу я вам, человек, и специалист классный.

Тот рейд выдался очень тяжелым. Саперы работали и на разминировании, и на подрывных, и на разборке завалов. Поволновался я тогда за своих, но, слава Богу, все обошлось. Вернулись все, без единой царапины.

Отпраздновали вечером, как заведено, то бишь, пока не «полегли». Наш майор заночевал у нас в палатке. А утром слышу:

– Смирно!

Выскочил, направляясь на ходу. Кого, думаю, принесло в такую рань? Вижу, направляются в мою сторону три полковника – армейские, не наши.

– Товарищ полковник! – начал рапортовать я, но один из них перебил меня:

– Где майор Мартемьянов?

– Сейчас я ему доложу, – предчувствуя неприятности, промычал я и бросился в дальнюю палатку поднимать полупьяного Михалыча.

Кое-как приведя себя в порядок, майор выбрался из палатки

– Где бы мы могли с вами поговорить? – спросил один из полковников.

Я проводил их в штабную палатку, а сам остался стоять у выхода на случай срочных распоряжений.

Разговор в штабной палатке через несколько дней благодаря острому языку того же Валерия Михалыча стал ходячим анекдотом. Я позже слышал пересказ в разных вариантах, но что мне до всей этой болтовни, когда я сам был свидетелем!

Один из полковников (позже выяснилось, что все они были представителями инженерного отдела штаба армии) достал из папки несколько фотографий и разложил их перед майором.

– Вы обезвреживали эту мину? – спросил он.

Я выглянул из-за плеча, чтобы лучше рассмотреть изображение на снимке.

Михалыч взял одну из фотографий в руку и, кое-как наведя резкость в глазах, утвердительно кивнул.

– Тогда у нас к вам несколько серьезных вопросов, – продолжил полковник. – Видите ли, это – новая бескорпусная мина итальянского производства, и здесь, – он ткнул пальцем в фотоснимок, – но всему периметру по-английски написано, что она неизвлекаемая, необезвреживаемая, противоиндукционная и тому подобное, т.е. в ней напичкано взрывателей на целый десяток обычных мин: это и донный, и хими-

Краем глаза я видел, что Маришка хотела что-то сказать, предпринять, но ее попытка ограничилась еле заметным движением руки в сторону Ильги.

Время как бы растянулось, стало словно патока: сначала у Ильги опустились плечи, затем она склонилась, поставила сумки у тумбочки, поправила их, чтобы не опрокинулись.

Каждое ее движение было цельным, но она делала все как бы автоматически, не отрывая взгляда от осунувшегося лица мужа.

Вдруг время начало набирать ход: Ильга резко выпрямилась, протянула руку, поправила одеяло, подтянув его ближе к подбородку Олега, так же резко развернулась и, не глядя по сторонам, словно ни меня, ни Марины в помещении не было, решительно вышла из палаты...

Тихо...

Как все-таки тихо...

Недоуменный взгляд Маришки...

Почему так тихо?..

Все...

Марина стояла не шелохнувшись, и казалось, что она хочет вжаться в дверной косяк, раствориться, исчезнуть. Потом, словно спохватившись, выскочила следом за Ильгой – догнать, остановить, сказать... Что?!.. О чем?!!

...Эх, Олег-Олежка! – прошептал я – и вдруг услышал слабый, но твердый голос друга:

– Не надо, Серега...

Его глаза по-прежнему оставались закрытыми...

не видно врага,
не видно народа,
вместо него – испуганная толпа,
что смотрит в насильно приставленный к глазам
калейдоскоп лжи.

А страна отступает и отступает,
как в кровавом сорок первом,
и нет тому отступлению конца!
Кто подпишет указ, чтоб ни шагу назад?
Кто во имя священной памяти предков,
поднимет тебя, как великую Надежду,
и соберет под твоим покровом разрозненный народ?
Настало время,
настало,
настало...

О чем ты думаешь, седой богатырь,

Великое Знамя Победы?

Поздние слова

Александру Васильевичу Теренгеву,
солнечному человеку

В нас самое умное заблуждение –
вера в причал бессмертия,
и потому будущее ставим рядом с настоящим,
как ложку возле тарелки,
уверенные в правоте ежедневных поступков.
У Бога своя логика: он не гадает на кофейной гуще.
Ему не по нраву стремление подобия
сравняться с ним.

Если бы я в то время не сверял часы по будущему,
мы бы встретились,

Васильич!

Ты, как и я, скучал по беседе,
где душа, обняв родственную душу,
искренне распахивается,
словно послегрозовое небо с искрящимся солнцем,
и беседа превращается в ласковый полдень,
когда наиболее тонко чувствуешь
полноту бытия.

Светлана ЛИХАЯ

Сорок второй

А в избе не всё, как надо,
В ней тревога и беда
И, конечно, беспорядок,
Что здесь не был никогда.
А в избе не всё, как надо,
Всё в ней в маминых слезах,
Чахнет тусклая лампада
Над цветами в образах.
С братом пялим мы глазёнки
На иконный лик с мольбой,
И не верим похоронке
Вместе с мамой и избой...

Бабушкина молитва

Память далекого детства –
Книга с картинками разными.
Нитью волшебною с сердцем
Все они накрепко связаны.
Две комнатухи беленые,
С боку, как водится, печь.
Вижу лампадку зажженную,
Слышу я бабушки речь.
«Божья-матерь заступница,
Всех их помилуй, спаси,
Пулю злодейскую, вражеску,
Мимо, Господь, пронеси!»
Молится бабушка, крестится,
Голос, срываясь, дрожит,
Пламя лампадки колеблется,
Ночь за окошком пуржит.
Все имена перечислила,
Все имена назвала.
Восемь кровинушек-детушек,
Восемь война забрала:
Трех сыновей - добрых молодцев,

Разухабистая речь.
Друг мой, я живу в России,
В русококой стороне,
Где березы и осины
С детства сказки шепчут мне.
Буйство – кроткость, слабость – сила,
Рядом свет и бездны тьма,
Здесь и мудростью красивы,
Здесь и горе от ума.
Лучезарный свет, мессия,
Терпеливая страна.
Кто я, что я без России?
Только видимость одна.

Хлеб

Хлеб крестьянский мягкий, пышный,
Ароматный и ржаной.
С корочкою золотистой,
С пользой будней, отрубной.
Все в одной буханке слито,
Словно в старом слове «жито».
На хмелю опара – сила
Бродит весело, красиво.
Подошла? Теперь меси,
Как от веку на Руси.
Путь к пекарне отмеряю
То в обед, то ввечеру,
Потому что твердо знаю:
Хлеб в руках – всегда к добру.

Память

Юный летчик в кожаночке новой
Был застенчив и много курил,
Провожая тебя с выпускного,
Все про небо свое говорил.
Как он бережно нес босоножки,
Как к вагонным ступенькам прилип...
Он погиб на вокзале в бомбежку,
Не доехав до фронта, погиб.

***

Растили нас, конечно, строже,
Чем мы – сегодняшних детей.
Войну мы вынесли, и может,
Нам строгость кажется больней.
И все ж, лечите изначально
Детей от праздности – трудом:
Дается имя не случайно –
Чтоб стало отчеством потом!

Татьяна ДЖАРТЫ

Жизнь и смерть, как течение реки –
Каждый миг – это нечто иное.
Но стоят, словно пред аналогом,
Где-то вербы, а где тальники.

Солнца блики, вихры облаков
На воде осязаемой плёнкой.
Мы в своем отражении тонком
От реальности так далеки...

Стало время течением реки.
Стала жизнь на воде отраженьем,
Взглядом схваченным ярким мгновеньем,
Ощущением взмаха руки.

Людмила ДАНИЛОВА

Не сберегли

В дыханьи утра звуки грусти.
Устали сердце и душа.
Тоскливо, тихо, очень пусто,
И мысли льются не спеша.

А кровь пульсирует тревожно,
И в каждой жилке – недобор.
Но возвратиться невозможно
Нам в отчий сад и в отчий дом.

Там заросли травой дорожки,
Осенний дождь размыл следы.
Повисла ставня на окошке
В том доме, где родились мы.

Печаль и боль. Уже не встретят
Родные, милые шаги.
Шумит листвою холодный ветер
«Не сберегли... Не сберегли».

Ирина МАТЮШИНА

Пусть придет столь долгожданный мир!

Счастливый, майский, долгожданный день,
Великой нашей, доблестной Победы!
Как мало вас из миллионов тех осталось,
Кто вынес ад войны, лишения и беды.

Мы благодарны вам за тот желанный мир,
Что отстояли, не жалея жизни.
Врагу не дали учинить победный пир,
И отрубили щупальца фашизму.

Салют Победы, фейерверки до небес!
Вы верили – чума войны не повторится.
Любимая Россия, словно Феникс,
Из пепла к светлой жизни возродится.

Нам ужасы войны, увы, знакомы,
Она не прекратила свой кровавый счет.
Безумие ее, терзает землю снова:
Афганистан, Чечня, Ирак и кое-где еще.

Остановись! Очнись же, человечество!
Мы дети все единой матушки-земли.
И пусть у каждого свое Отечество,
Всем места хватит, лишь хватило бы любви...

Терпенья, всепрощенья, состраданья.
Тогда и долгожданный мир придет.
Оплаченный великой кровью и слезами,
На многие и многие века вперед!

браться. Фаина что-то закашляла, одеть носки надо. И сама смотри в колхоз не опоздай...

И уйдет опять надолго.

Скрипнула дверь. Феня удивленно оглянулась.

– Проснулась уже? – проговорила вошедшая мать с подойником молока в руке. – Мне сегодня чуть позднее.

– Мам! Папа с фронта пришел! Мне сон приснился! – бросилась к ней Феня, ожидая что ответит мать.

– Приснился... Дай-то Господи! – испуганно выдохнула Анастасия, перекрестившись. – Ну, славно, попей парного молока, да беги. Поди уж все собрались из бригады. Путина началась. Полно нынче работы.

Феня, напившись молока с краюхой ржаного хлеба, выскочила в сенцы. Среди обувок нашла свои лапти.

«Хорошо Мане, у нее дедушка рядом, – подумала Феня. – Он умеет старые лапти чинить и новые плести. Ах, почему они у меня так быстро рвутся? Оттого, наверно, что я всех быстрее бегаю. Мама еще говорит: «Будешь, Феня, быстрее всех работать, больше трудодней выпишут, стало быть, и хлеба больше получим. Везде бегом бегай! Не жди, когда тебя попросят, сама беги».

Хлопнув дверью, Феня помчалась по высоким ступенькам крыльца, мокрым от росы. Чтобы не поскользнуться, ухватила за перила. На последней ступеньке увидела дедушку Григория, курившего самокрутку. Жил он в одном доме с Феней, только с другой стороны. С дальних болотистых мест приезжал он в деревню и квартировал здесь, пока не сдаст рыбу.

– Здравсьте, дедушка Григорий! – пробегая мимо него, кивнула головой.

– Погоди маленько, Фенюшка, я к тебе, – поднимаясь, проговорил дед.

Феня остановилась.

– Вот, – он вытащил из-за спины лапти, – носи на здоровье!

– Мне? – от неожиданности у Фени округлились глаза.

– Тебе, дочка, тебе.

Она схватила новенькие лапти:

– Ой, дедушка! Как вы узнали, что у меня лапти прохудились!?

Обрадованная, быстро принялась развязывать, отбросила в сторону дырявые лапти. Торопливо примеряла новенькие, еще пахнущие лозой. Топнув сначала одной, потом другой ногой, зашнуровала побыстрее, и как вихрь пробежала вверх по лестнице. Туда и обратно.

– Какие они легкие! Какие удобные, дедушка!

На какой-то миг она остановилась. Вдруг спохватилась. И поникшим голосом тихо сказала:

СВЕТ ЗВЕЗДЫ ДАЛЕКОЙ

Рассказ

- Бабушка! Откуда па небе звезды?
- А я почем знаю.
- Ты все знаешь, скажи.
- Все знает один только Бог. Он сотворил. Вот они и дарят свет людям.
- Разве от них светло?
- Говорят, звезды – вечные спутники человека. Сопровождают его всю жизнь.
- Светить – значит дарить тепло? Но они такие холодные.
- Это потому, что они далеко от нас. Светить – значит, указывать путь человеку, не дать ему сбиться с дороги. Они – как маяки. Я думаю, они согревают души людей.
- Это как? Почему я тогда не вижу их днем? Они что, спят?
- Днем и ночью они горят. Только днем мы не видим их, потому что светло.
- Я знаю, они в это время превращаются в м-а-а-ленькие звездочки-блестки...
- Да, моя дорогая. Надо только заметить их.
- Я вижу их, бабушка! Они – в каждой капле дождя, на листьях деревьев! Посмотри!
- В маковках храма и звоне колоколов. Погляди, как блестят.
- В утренней росе, когда я бегу по лугу? В речке и озере, вон как блестят!
- В ромашковом молочке, которое ты пьешь по утрам.
- Бабушка! Они всюду? И в радостном блеске моих глаз?
- Они в тебе и во мне, в нашем древнем роду. В каждом человеке живет своя звездочка.
- Откуда ты знаешь?
- Говорят, что когда-то они были людьми, а потом уже превратились в звезды...
- Ты что, умеешь разговаривать с ними?
- Я долго смотрю на них. Они сами заговаривают со мной.
- Когда я сплю?
- И когда мне бывает грустно.
- Это когда меня рядом нет?
- И тогда тоже.
- Бабушка, я обязательно буду к тебе приезжать, не только на каникулы. А со мной они будут разговаривать?
- Как знать, наверное, надо очень сильно захотеть.

Стали звать – не откликается. Вдруг кто-то взглянул вверх, а там: летит по небу Космея, шелковое платье ее как парус на ветру развеивается, руками – словно крыльями машет, и ласково так не то зовет кого, не то плачет... Прислушались люди: и впрямь голос Космеи, вот и песню жалостную выводит, будто прощается:

– Не грустите обо мне-е, не грусти-и-те-е...

А потом послышалось:

Небо, небушко, небо мне братушко,

Землица милая, в ней родные отец, матушка...

Прощайте...

Руками-крыльями взмахнула разок – другой, и исчезло видение. А на том месте, где Космею видели, вдруг звезда зажглась. Яркая. С тех пор отгремит гроза, прольется как слеза чистый дождик, солнышко выглянет. И взиграет тогда красками радуга во все небо. Успевай, загадывай желание, чтоб сбылось: быть ли свадьбе, да жениху с невестой счастливыми...

С тех пор стали люди в приметы верить, будто Космея щедроты свои раздаривает. Тянется к людям – от земли ведь пришла. Гроздь россыпей да блестков бросит – падают они с высоты звездами, зарницей ясной и светят всем...

Появляются потом на белом свете замечательные люди. Талант у них, как родник из-под земли бьет. Видно, небесная Космея зажигает для них самую яркую звезду.

Иные думают, что родились такими. А нет, все заслужить надо. Бывает, захвалит себя человек, возомнит мудрым, тут уж Космея на себя всю боль принимает: выходит, не оправдал человек надежды-то.

Мечется тогда по небу, рассыпает звездочки, рассыпает, а они в капли дождя превращаются. Выглянет солнце, расправит свои лучи по земле, а дождь в нем просвечивается, и звезды блестят. Вот и получается тогда: дождь в солнце, а солнце в дожде. Старые люди называют такой дождь слепым – льет не ведая, заблудился будто. Судачат: «Знать, человек на Земле помер». И – слышится потом далекая, тоскливая песня. А голос-то Космеи будто...

После такого дождя грибов народится в лесу видимо-невидимо. Все вокруг радуется. Тогда старые люди говорят: «Человек на Земле родился!». А вскоре и звезд на небе прибавляется. Так Космея память о добрых людях на Землю возвращает. Вот и получается: покидая мирную Землю, люди снова возвращаются сюда.

– Бабушка, я поняла! Наш дедушка – тоже превратился в звезду! Если он не вернулся с войны...

– Да, родная, наверное, так.

– Но зачем он остался на небе?

Екатерина ВОЛОДИНА

Мы лишь кроны деревьев,
Пускай, даже трогаем небо.
А корни у деревьев –
Память о наших дедах.

Забвеньё – сухие ветки,
Поэтому, сын мой, запомни:
Стоять будет дерево крепко,
Если не вырваны корни.

***

Старое фото желтым листком
В нашем семейном альбоме хранится.
Чья-то судьба со знакомым лицом
Смотрит на нас с предпоследней страницы.

Я не встречала вас, нет, никогда,
Выпала участь позже родиться.
Только знакомые очень глаза,
Взгляд сквозь года теплым светом лучится.

Кто ты, далекий красавец- атлант?
Почерк – узором красивым.
Осталась на фото вопросом строка:
«На память родным и любимым».

Бабушка мне говорила: герой,
Прапрадедский мой предок,
Тот, что всегда возвращался домой,
Не под крестом, а с победой.

Мне восемнадцать, а здесь двадцать пять,
Годы бегут без оглядки.
Сможет ли дальний праправнук узнать,
Милый овал своей бабки?

Может, останусь лишь желтым листком,
Где-то в страницах альбома.
Взглядом родным, черно-белой судьбой,
Внукам своим незнакома?..

***

На чужой стороне пусть богаче живут,
Шире улицы там, разношерстнее люд.
Даже счастье горстями пускай раздают,
Мне о крае родном мысли спать не дают.

У нас песен не счесть, да и лучше поют.
И леса зеленей, выше травы растут.
Наши нивы щедрей урожаи дают.
На родной стороне даже камни цветут.

***

Знакомый почерк старых писем,
Перечитаю вновь и вновь.
Далеких дней воспоминанья, –
Моя безумная любовь.

Тепло хранит листок бумаги,
Узорный почерк нежных строк,
И твой подарок – белый, чистый,
С любовью посланный цветок.

Все реже получаем письма,
Все реже стали мы писать.
Намного проще, несомненно,
«Алло!» нелепое сказать.

Что разговор? Не сохраним он –
Прошел, увы, и – нет следа.
А письма, посланные милым,
Хранятся долгие года...

Пишите вечные страницы,
И не напрасен будет труд –
Пусть буквы лишь любви крупницы,
Но, как любимые их ждут!..

Василий ЗОЗУЛЯ

У памятника Жукову

Теперь рука его удерживает пыл,
Входящих в Воскресенские ворота.
Привставший в стремени, он верно не забыл,
Своих полей и своего народа.

Стремительный! Любою кровью высоту,
Он брал! (На что ещё нужны резервы?)
В какое слово, кроме слова «разотру»,
Он вкладывал свои и гнев, и нервы?

А ныне, без боязни, враг глядит на лик
Его победный, бронза – молчалива.
И если постамент всей гордой жизни пик –
Враг отойдёт как море в час отлива.

Елена СЛИПЧЕНКО

Как будто мало места в целом мире,
Где лето не в кино, а наяву.
Кому в тепле, а мне досталось жить в Сибири,
И говорят, что хорошо живу!
О, сколько небылиц и разных басен,
Порой вещает «голубой экран».
О том, как быт югорский наш прекрасен,
Как слишком много благ у северян.
А мы к тому же «загребаем тыщи»,
Считает без сомнений вся страна.
Не ведая, что Север тоже нищий,
Ведь прибыль с нефти – не его казна.
А те скупые денежные средства,
Что оседают в наших городах,
Не окупают северного детства,
И юности потерянной в снегах.
И ранней смертности, что нам уже привычна,
Сибирь здоровье любит пожирать.
Да, что ни говори, живём отлично!
Завидуйте нам дальше...

Виталий ТАТАРИНЦЕВ

Возвращается вкус хлеба
За новыми временами вслед.
Мы забудем – будто не было –
То плохое, чего уже нет.
Всё устроится к общей скуке,
Разве в час свой придет луна.
Подзабытые тени и звуки,
Вторгнутся из-за окна.
Прошлое, будь с нами третьим –
Щедрым молчаньем мужским.
Хлебом и солью тебя встретим,
Рюмкой за разговором дружеским.

***

Наш счет с войною подвели,
Не трибунал, что ставит к стенке...
Под нашим наступленьем немки,
Трофеей захваченной земли.
Весь в крышах красных черепиц,
Чуть кукольный, приличный город.
Ах, Гретхен! Как мне ваших дорог,
Сон невстревоженных ресниц.
Вот завтра – разговор другой...
Штык-нож, саперная лопатка.
У горла... Поневоле сладко,
Что пять солдат к вам на постой.

Милостыня

Я денег проффи-нищим не подам,
Чтобы они не подали мне повода.
На паперти, по лакомым углам,
К тому, что можно прозябать без голода.
Не делать ничего из ряда вон.
Тряпье носить рекламно импозантно.
Катиться потихоньку под уклон,
Открыто опускаться так понятно.
Мне по нутру другие. Поскромней.
Простые бедняки, пустой желудок,
Чей сводит голод. Те что без соплей,
Нуждаются в любое время суток.
Кто скромно незаметны. И ручищу
Не тянут наглой просьбой в кошелек.
Я денег не подам для проффи-нищих,
Чтоб кто-то милостыню мне не приберег.

Борис РОМАНОВ

Солдат Кавказа

Он в восемнадцать девушку ни разу
Ещё не провожал и не ласкал.
Но по дорогам древнего Кавказа
Он, бряцая оружием, шагал.

Страна былинных нардов и героев
За ним следила миллионом глаз.
За каждым камнем, каждою скалою
Сидела смерть и жалила подчас.

Хрустели камни громко под ногами,
Луна предательски светила по ночам.
Стояли горы гордыми врагами,
Подобно исполинам-силачам.

Но шёл солдат вперёд, дитя равнины,
И горы расступались перед ним.
А родовые башни, свои спины,
Склоняли пред мечом его стальным.

Залог его побед, его успехов,
Не в силе, а точней не только в ней.
Не в толщине брони его доспехов,
Не в быстроте его стальных коней.

А в том, что за его спиной – Россия!
И правда всех пророков на земле.
И пусть он сам, конечно, не мессия,
Но где он шёл – цветы растут в золе.

Натали

В России слово Натали
Всегда созвучно в чём-то року.
В нём – сладкий благовест вдали,
И страсть, что так близка пороку.

В нём не доказанность молвы,
И ненасытность сплетен света.
В нём жертва буйной головы,
Слегка безумного поэта.

В нём кирасиры и пажы,
Гусары и кавалергарды.
Что где-то в августе, во ржи,
Вгоняли в грудь клинки по гарды.

И с этим именем скрипач
Смычком касался нежной скрипки.
Рождая звонкий смех и плач,
С мечтою об её улыбке.

И с этим словом на устах,
Гвардейцы шли на бастионы.
Сияло солнце в их крестах,
И золото лилось в погоны...

В нём было всё, и будет вновь:
Любовь, стихи, безумства, грозы...
Ах, Натали, не хмурьте бровь.
Позвольте поднести вам розы.

Зинаида ТАРАСОВА

Родной уголок

На огромных просторах России
Есть землицы родной уголок.
Где блестят купола в выси синей,
Пред иконой – свечи огонек.
Где весною, кудрявясь, березы
Шепчут ветру о счастье стихи.
Где дождей православные слезы,
Омывают людские грехи.
Где зимою от стужи туманы,
Летом тучи мошки, комарье.
Где красны от брусники поляны –
Все родное до боли, свое.
Сохраните, СВЯТЫЕ, Россию,
И землицы родимой удел.
Чтобы умысел злой, нелюдимый,
Погубить красоту не посмел!

***

Поклон тебе, русский солдат,
На все времена и столетья!
За то, что спасаешь весь мир
В любые года-лихолетья!
Поклон за Варшаву и Брест,
За все города и селенья.
За то, что проносишь свой Крест
Без ропота и сожаленья.
Поклон тебе, русский солдат,
От всех, кто вернулся и пожил.
От тех, кто остался лежать
На бранных полях. И не дожил.
Поклон от сирот и от вдов,
От всех, кто позднее родился.
Весь мир благодарно, Солдат,
К Тебе в День Победы склонился!

Мои деды

Мои деды вернулись с фронта,
У них медали, ордена.
Их не коснулись похоронки,
Но изувечила война.
Мой дед Андрей – на Украине,
А дед Иван – орловским был.
Но сорок первый воедино
Моих дедов соединил.
Был дед один танкистом бравым,
Он и в Берлине побывал.
Об этом в День Победы славной
Он на Рейхстаге написал.
Другой – свой путь начал от финской,
Закончил – озером Хасан.
А всю Великую до Мая,
Он север с моря защищал...
Покуда жили, в дни Победы,
Одев награды, взяв цветы,
Шли к обелискам мои деды
Сказать погибшим всем: «Прости!».
Дрожали слезы на ресницах,
Блестело солнце в седине.
Был мир. А два моих солдата
Все вспоминали о войне...

Мария ОШКИНА

Девчонки

Девчонки мирные, обрезавшие косы,
Надев шинель, из кирзы сапоги,
Мы встали в строй защитников столицы,
Чтоб заменить отцов, что на фронты ушли.

Красавицы свой стройный стан,
Ремнем брезентовым обвили.
Берет пилоткой заменив,
Мужскую смелость проявили.

Мы были за спиною фронта,
Твердыней легендарной был наш тыл.
Он день и ночь ковал Победу,
Надежною опорой фронту был.

В наш юбилейный день Победы,
Девчата, слава вам – вдвойне.
За то, что в грозную годину,
Пришлось и вам быть на войне.

Прошла война. И снова – бой:
Югорские болота покорять.
И строить города, чудесные дороги,
Для всей страны нефть с газом добывать.
И слава вам, прославившим Отчизну,
Минувшие года вы прожили не зря!
Носите с гордостью, поближе к сердцу,
Свои медали, знаки, ордена!

***

Когда над Великой страной,
Победные залпы гремят,
О чем вспоминают солдаты,
Которым по восемьдесят?

Услужливо память твердит:
Не надеть на прошлое вуали,
Но горят эмалью ордена,
Звон малиновый поют медали.

Застыв, стоим мы у священных плит,
Друзья лежат под ними фронтовые.
Им не надеть своих наград,
Они остались вечно молодые.

Мы каждый год судьбу свою,
Вплетаем в майское соцветье.
С погибшими идем в одном строю,
Внесенные на пьедестал бессмертья.

Александр ИЛЬЯШЕВИЧ

Ветеранам Победы

Спасибо Вам, Ветераны Победы,
За жизнь, спасённую в боях!
За мир прекрасный и желанный,
За небо в белых облаках!

Несли Вы ношу непосильную,
На несгибаемых плечах.
Величье духа Вашего и силу,
Людская память сохранит в веках!
Помянем тех, кто не вернулся,
Но верил, что наступит день,
Когда Победой отзовется,
В сердцах весенняя капель.

Так быстро пролетело время,
Но 60-лет без войны
Живёт страна, со дня Победы,
Победы Вашей...

Чтобы выросли крылья

Я стоял на краю обрыва,
Я смотрел в бесконечную даль.
Я мечтал, чтобы выросли крылья
И полёт заменил мне печаль.

Отголосками прошлого эха,
Не терзалась отныне Земля.
Переливами звонкого смеха
Удивлялась Отчизна моя.

Чтоб окрепло чувство полёта
И восторг, до конца моих дней.
По тропинке, ведущей из детства,
По извилистой жизни моей...

Лидия ТАСКАЕВА

Нам трудно судить с высоты поколений,
О той, непомерно тяжелой судьбе.
Тебе, Ленинград, имя светлое «Ленин»,
Как же оно помогало в борьбе.
Когда блокады не было в помине,
Когда народ гулял по мостовой.
И жизнь текла, и небо было синим,
И Киров был еще живой.
Подумать даже было страшно,
О том, что враг замыслил сотворить:
Стереть с лица все жизни наши,
И уничтожить, и забыть.
Пробегают года и проходят столетья,
Рвется памяти тонкая нить.
Но про подвиг людей,
Что записан в бессмертье,
Нам с тобой никогда не забыть!

Наталья ШКАТОВА

Эхо памяти

Нет, на войне я не была,
Чуть позже родилась.
Но эхом черным та война
В нас всех отозвалась.
Мы не забудем детство,
Свое послевоенное.
Такое босоное,
Наивно-откровенное...
Мальчишками, девчонками
В лицо войну не знали,
Мы по рассказам дедушек
И книгам изучали.
Мы со страной вместе,
Крепли и мужали.
Из руин и пепла,
Жизнь нашу возрождали.
Чтоб тех, кто не дожил,
На поле битвы головы
Безвременно сложил –
Их поименно каждого
В историю вписали.
Как каплей крови имена
Их в камне высекали.

Ниточка из прошлого

Ниточка из прошлого,
Ты тянешься непрошено.
Затейливой тропинкою,
Сплетаясь паутинкою.
Заснежено, завьюжено,
Плетешь ты жизни кружево...

То детством вдруг аукнешься,
То юностью откликнешься.
А то судьбой-разлучницей,
В окне моем почудишься...
Тропиночка из прошлого,
Зачем манишь непрошено?
Волнуешь, память бредишь,
Всей жизни фильм крутить велишь...
Как жаль, сквозь толщу прожитых
И долгих-долгих лет
В родное сердцу прошлое
Уже дороги нет...

***

Посвящается другу-ветерану,
композитору Алексею Трофимчуку

На жизненном пути, мой друг,
Все может быть, случиться.
То встретится с тобой любовь,
Захочет - разлучится.
Крадется в дом печаль и боль,
Но ты не позволяй,
Взять над собою
Матч-реванш.
Возьми, и – сочини:
Романс, а может арию,
Иль песню – от души.
Пусть знают и завидуют –
Мы тем и хороши.
Что в трудную минуту,
Собрав в кулак всю волю.
Не плачем, а смеемся,
Назло судьбе и горю.

Владимир ФИЛИППОВ

ПО СУЩЕСТВУ ИСКА

Из цикла «Полигон»

Я – боль Земли! Рожденный в русских росах,
Сын лучшей из известных вам планет.
Вздымаю свой тысячетный посох –
Свидетель бед людских и их побед.
Я – это «мы» в десятках поколений,
Бесхитростных и кающихся глаз.
Что блеском благодарности горели,
В дымах ночей разглядывая вас...
...Мы помним: вы – весы Господни, звезды!
К вам, призванным судить двадцатый век,
Пришел опять, пока не стало поздно,
Вновь осудить свой вынужденный грех.
Я знаю, каясь, принявший на плечи
Груз крови павших братьев и калек.
Что мне пред богом отчитаться есть чем:
Я зла с лихвой хлебнувший человек!
Я - это «мы». Рождавшиеся с верой,
В непогрешимость Истины Небес.
Вскормившей мир духовной правды хлебом,
И облегчавшей наших жизней крест.
Молившихся на языке России –
Страны, где никакая кабала
Не в силах веру в Господа осилить,
Руси, позолотившей купала.
Пришедшие язычества на смену
Сияньем византийского креста...
...Всею сущью, не приемлющий измену,
На углях покаянного костра.
Стоящий в рост, рожденный, чтоб не ползать,
Впитавший мудрость множества веков,
Гляжу на вас, бесчисленные звезды,
Глазницами Христа учеников.
Проживших по-людски, по-человечьи –
Добро, что Небом послано любя!..

От имени народа я отвечу,
А Зло – пусть отвечает за себя.
В извечных распрях разумом уставший,
И поседевший рано неспроста,
Держу ответ я, на колени вставший:
С тех пор как я уверовал в Христа.
Мечом, огнем, копытом конной лавы,
В последний раз – грохочущей броней,
Поставленный ребром, стоял кровавый
Вопрос господства над моей землей.
Точивших зубы оказалось много.
То в схватке с дикарем и палачом,
Узнав, что их Болван – главнее Бога,
Я рухнул под его кривым мечом.
То всех сестер, что мать в трудах растила
(Да будет пухом ей сыра земля),
Другой, меня убив, уводит силой
К ногам очередного короля;
То к берегам, где я вчера посеял,
Ломился третий, якорем звеня,
И падал сам, скребя ногтями землю,
Он думал, что ничейная земля?!
То даль степей кому-то не по нраву,
То ширь лесов... И, вновь пойдя войной,
Готовил враг кровавую расправу
Над хорошо вооруженным мной.
А как же? Там, где хлеб растет вкуснее,
Сокрыт металл, пригодный для монет!
...И шел Молох проклятой каруселью,
Кровавых поражений и побед.
Не умирая в старости спокойно,
Гонимый в дым обидами утрат.
Кормилец уходил опять на бойню,
Обняв жену и будущих солдат.
Из века в век!.. Взглянув устало в небо,
Сушил бинты, но изо всех углов
Текла к его границам мести пена,
Из глаз и ртов проломленных голов.
Псов, Сатаной науськанных для драки –
Моей святой земли кошмарный сон.

За что нам, объясните Бога ради,
По мертвым вековечный перезвон.
Звучащий каждый раз кончиной света,
Народу, прославлявшему Христа?!
За что ты, терпишь нелюдей планета?
Что скажешь, Вифлеемская звезда?
Сгорали свечи в наших изголовьях,
И сыпалась могильная земля.
На семь локтей, пропитанная кровью,
Слезами вдов и криком воронья.
Мои седины – пеплы тех пожарищ,
Что нес мой дом, сгорая, как свеча.
Вновь справедливо солнце отражалось,
Звенящей сталью моего меча.
Когда мы здесь вставали брат за брата,
А лбы, разбоя несшие огни,
Возмездие в зазубринах булата –
Последнее, что видели они.
...Припав к ведру с колодезной водою,
Я знаю, что напился не водой –
Настойкой на костях убитых мною,
И сыновей, не защищенных мной...
За нами звезды, миллионов тени –
Сверхсумма той немислимой цены.
Что может лишь кровавым наводнением
Насытить глотку проклятой войны,
Которая идет, все сокрушая,
От эры шкур, пещеры и дубин!
И как мне было жить, не нарушая,
Главенствующей строчки «не убий!».
В сороковых, когда утроив силы,
Дополнила прожорливая смерть,
Еще одним пластом отцов могилы,
Из коих состоит России твердь?!
Я – это «мы». За много поколений,
Святых и справедливых ратных дел,
...Простите нас, упавших на колени,
Что больше их, чем Бог того хотел.
Вот почему – пока не стало поздно –
Я все прошедший русский человек.

Взываю к вам, весы Господни, звезды!
Судить народы, сеющие грех.
За нежеланье жить по-человечьи,
А зло и беззаконие творя!
Рубцы, ожоги, шрамы да увечья,
Не считаны доселе у меня,
За прожитое мной тысячелетье.
Костры и колья, голод и чума,
Распяты, плахи, цепи, петли, плети.
Пленения, сводящие с ума,
Топили, жгли, копытами давили.
И рвали, танков траками гоня,
Закованного, в карцерах гноили,
Для пыток инструментами звеня.
Растрезан был, расстрелян и повешен,
Я испокон буквально каждый час!
И если в чем действительно я грешен,
Так это в том, что не в последний раз.
Простите нас! Так долго мы молчали,
Отторгнутые от своих святынь.
Когда «вожди» будили нас ночами,
И превращали в лагерную пыль.
Таков расклад. Подтекста не ищите,
К вам, признанным судить грехи людей.
Взываю я – заложник и защитник,
Огромной территории своей.
Опять отродью не дает покоя,
Их адский современный арсенал
Блокадных технологий, а для боя –
Солдат в куски кромсающий металл.
Судьбы своей лихой хватив по ноздри,
Поставленный на Божий судный кон
Я вглядываюсь пристально и остро
В святые лики дедовских икон.
Который век ищу у них ответа:
С какой же целью Бог мен создал?
И почему вблизи кончины света,
Так поглупел, что на ислам напал?!
Не доглядел. Позволил сатанистам,
Разогнанных с Иисусовых земель,

Осесь в Руси, а нашим душам чистым,
В итоге сесь на нравственности мель.
И вновь стрельба! А нехристей контора,
Маразмом глобализма изойдя,
Везла в Афганистан все новый порох,
Рискнув на многотомнике «вождя».
За все, чем мы грешны пред мирозданьем,
За власти наши, за ошибок час,
Примите, звезды, наше покаянье,
Я знаю, вы надеетесь на нас.
Я просто Человек. Живу на свете,
Не все, что Небом послано любя...
От имени добра я вам ответил,
А зло пусть отвечает за себя.
Но именем христовых поколений,
Вступая в новый, двадцать первый век,
Пред ликом всех галактик и скоплений,
В последний раз предупреждаю тех,
Кто зло несет и сатанизму служит,
Что в пекле эта кончится стезя!
Готовьтесь, я приду по ваши души,
Ведь с вами по-хорошему нельзя.
У вас всегда был вместо сердца камень,
А я свой бой со злом не прекратил.
И «мы» непобедимы кулаками...
Все звезды слышат: я предупредил!
Все ждут Христа, не канувшего в Лету,
Он явится, вопрос неоспорим.
Пора затрамбовать мечи в планету,
И честно отчитаться перед Ним.
И мне плевать на чьи-то возраженья –
От вас покоя не было и нет.
...Грузи, сынок, мое предупрежденье
В сей Богом нелюбимый «Интернет»...

Сергей ДРЕСВЯНИН**Война, стреляющая с экранов**

Если прошлое печем вспомнить –
Значит, его никогда не было.

Несколько лет назад наша страна простилась с великим артистом Юрием Никулиным. Комментируя это событие, радиостанция «Голос Америки» заявила: «Нынешних русских, новых и старых, богатых и бедных, сегодня объединяет лишь две вещи – общая победа в войне с фашизмом и любовь к Юрию Никулину». Трудно поверить в то, что за свою тысячелетнюю историю Россия не имела, кроме Никулина, достойных людей, но оставим это на совести журналиста из США. А вот насчет победы в самой кровопролитной войне XX века он не ошибся. В России трудно найти семью, которую бы не зацепили своим черным крылом война, смерть, страдание.

Я родился в 1952 году в Смоленске, но детство и юность провел в небольшом городе Шарья Костромской области. В этом городе жили и живут железнодорожники и домостроители. В те дальние-дальние годы развитию патриотизма уделялось большое внимание. Школа не только давала образование, но и занималась воспитанием в отличие от современной школы. Память о войне была свежа в памяти моего отца, который прошагал военными дорогами до столицы Восточной Пруссии города Кёнингсберга. Её помнили родители моих друзей, соседи по дому, а также школьные учителя. Про войну мы узнавали не только на уроках истории. Преподавателем рисования и черчения у нас был Кузнецов Леонид Григорьевич, бывший военный летчик. Ему было трудно говорить. Осколком снаряда пробило горло, а рану нужно было постоянно прикрывать при разговоре большим пальцем или плотно прижимать подбородком. Он всегда находил время на уроке, чтобы рассказать о войне, о прочитанных книгах, например, «Тайна железного рыцаря», о детях на войне. В те годы в каждом клубе, Доме культуры и тем более в кинотеатре красовались известные слова Ленина о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино». С этим утверждением могут не согласиться жители больших городов, к услугам которых были балет и театр, музыка и живопись, но для жителей провинциальных городов кино являлось действительно «важнейшим», ибо формировало у зрителя гражданскую позицию по отношению к тому, что происходило на экране. В наших старых добрых фильмах 50-60-х годов добро всегда побеждало зло. Если в конце фильма лихой пограничник дрался со шпионом, то мы, пацаны, знали о том, что на помощь герою прибежит его верный пес и ухватит не-

годя за одно место. В старых лентах артистов не заливали литрами кетчупа и не смаковали жестокость, не били в спину и не добивали ногами упавшего. Очень хорошо передает саму атмосферу старого кино поэт Юрий Кириллов.

Старое кино

Ах, какие люди на экране!
Характерный для тех лет типаж:
Этот на Дону осколком ранен,
Тот погиб, форсируя Сиваш.
И ещё один, с горящим взглядом,
В гущу схватки рвется на коне.
Ну а тот крадется палисадом,
И цветы срывает не жене.
Три танкиста –
Три веселых друга,
Их сменяют два лихих бойца.
А в тылу, грустя,
Поет подруга –
Ждет она с победой храбреца.
Черно-белых кадров мельтешения,
Красок не хватает –
Не беда.
Очень важно это возвращенье
В давние-предавние года.
Верим в них –
И сильных, и зовущих,
Оптимизмом
Зарядивших нас...
Пусть хранятся кадры
Для грядущих поколений
Как боезапас!

Для тех читателей, кто мечтает о таком возвращении в «давние-предавние года», могу поделиться своим опытом. Я всегда завидовал людям, которые коллекционируют монеты, марки, пивные этикетки и прочее. Я много лет коллекционирую кинофильмы, ибо они сильно повлияли на жизнь моего поколения, выросшего после войны. Кино являлось мерой наказания за школьные двойки или плохое поведение

со стороны родителей и одновременно – мерой поощрения за хорошие оценки и хорошее поведение. Особой удачей считалось попасть в кино два раза в день – на детский сеанс утром и на вечерний, когда реклама строго предупреждала: «Дети до 16 лет не допускаются».

Приведу интересные цифры. В Подмоскowie в государственном архиве кинодокументов хранится коллекция из 55 тысяч (!) художественных фильмов. В энциклопедическом словаре «Кино», выпущенном в 1986 году, содержится информация о 16 тысячах советских и зарубежных фильмов. 27 августа в России отмечается «День кино», хотя страна потеряла кино как индустрию, выпускающую в год свыше 100 кинофильмов. Посмотрим по годам, в 1976 году на экраны страны вышло 130 советских и 140 зарубежных фильмов, а дальше:

1978 год – 148-106, соответственно,

1979 год – 128-109,

1980 год – 178-86,

1982 год – 153-131, и т.д.

В 1997 году Россия могла финансировать съемки лишь 30 фильмов, но не все их увидит массовый зритель. Экраны заполнили американские фильмы, где добро не всегда торжествует победу. С 1977 по 2004 года я вел учет просмотренных фильмов по годам, оказалось, что за указанные годы мне удалось посмотреть 2215 кинофильмов, личный рекорд года – 190 фильмов. Чтобы восстановить в памяти названия любимых фильмов, мне пришлось посмотреть в зале периодики трех областных библиотек (Кострома, Волгоград, Тюмень) все подшивки журналов «Советский экран» с 1952 года. В последнем номере этого журнала за любой год указывался список фильмов, которые прошли по экранам. Это занятие отнимало много времени, но в жизни всегда и за все приходится чем-то расплачиваться – деньгами, временем, нервами, здоровьем. За последнее время на экране телевизора появилось много фильмов о войне старых и новых, некоторые фильмы показывают по разным каналам и по несколько раз. Только канал «ОРТ» планирует показать 60 фильмов о войне ко Дню Победы. Это приятно удивляет, если бы не одно «но». У меня есть список фильмов, которые вообще предпочитают не показывать. Например, самые лучшие фильмы о партизанской войне были сняты в Югославии:

1. Козара. 1964 год

2. Саша. 1967 год

3. Диверсанты. 1967 год

4. Двойное окружение. 1968 год

Фильм «Козара» был отмечен международными наградами. Достаточно закрыть глаза, чтобы вспомнить эпизоды этого трагического фильма. Немецкие егеря ведут облаву на партизан, развернулись в

длинную шеренгу и поливают из автоматов любую качнущуюся ветку дерева. Часть партизан спряталась в небольших норах и землянках. Немцы знают об этом и протыкают длинными, острыми прутьями землю. Над одной из землянок остановился здоровый немец и воткнул прут. Внизу под землей прячется партизан с грудным ребенком – правой рукой зажимает дочке рот, чтобы не плакала, а левую руку с автоматом подставил под прут, который появился возле головы. Немец сделал усилие и приклад автомата лопнул, острый прут насквозь протыкает ладонь человека, который даже не вскрикнул, облава пошла дальше. С тоскою думаю о том, что чем дальше отдалется от нас война, тем меньше о ней будут вспоминать. Уже подрастают новые ветераны, у которых были свои войны.

Почти десять лет вели партизанскую войну «лесные братья» в Прибалтике и организации «ОУН-УПА» в западной Украине. Много ли фильмов было снято об этих событиях? У меня остался в памяти отличный фильм «Когда дождь и ветер стучат в окно», Латвия, 1968 год, а также «Ловушка» (Польша), «Чистыми руками» (Румыния), где очень точно воспроизводят послевоенные годы, борьбу с бандитами и националистами, но их нет на экране. Отличные фильмы снимали немецкие кинематографисты киностудии «Дефа», например, «Приключение Вернера Хольта», «Тени над НОТР-ДАМ» и другие. В начале XXI века вышли на экран хорошие фильмы о войне, что делает честь нашему кинематографу, который оправился от кризиса и набирает обороты, – «Звезда», «В августе сорок четвертого». Последний фильм снимали в Белоруссии, но все равно хочется назвать братьев-славян словом «наши». Мнение россиян разделилось после фильма «Штрафбат», он мне не показался лучше фильма «ГУ-ГА», но возникли вопросы. Посмотрев «Штрафбат», любой молодой человек для себя может сделать вывод о том, что всю войну выиграли штрафники. В 1945 году форму советского солдата носили 11,5 миллиона человек, а через штрафные роты и батальоны прошли 100 тысяч человек. Если войну выиграли штрафники, то что же на фронте делали остальные? Штрафники не летали на самолетах и не находились на кораблях, где тоже кто-то проливал кровь. Почему же стыдливо промолчали наши ветераны? Почему журналисты не захотели узнать их мнение – на страницах местных газет, на телевидении?

За последние годы мы очень много узнали о войне. Она стреляет с экрана на каналах «Дискавери», «Рамблер», «Культура». Стоит ли удивляться тому, что историю войны плохо знают школьники и студенты, если правду о ней скрывали от своего народа. Смотрю документальный фильм о Курской битве на канале «Культура» и с удивлением узнаю, что в бою под Прохоровкой участвовали не 1200 танков,

а 450. Оказывается, за Курскую битву лишь два человека получили звание Герой Советского Союза. Если эта битва внесла коренной перелом в войне, то отчего такое неуважение к подвигу солдата со стороны Сталина и Ставки? А за форсирование Днепра 1700 человек получили «Звезду Героя».

До сих пор мы не можем написать хороший учебник по истории, чтобы его с интересом изучил школьник и не обиделся за искажение правды о войне его прадед ветеран. Особая ответственность лежит и на школьном учителе. Моя учительница Соловьева Вера Степановна могла взять на урок только школьную указку и географическую карту, что не мешало ей доходчиво проводить уроки. Но если сегодня, в 2005 году, учитель истории использует те же предметы, как в 50-60-е годы, ему не место в школе. Такого потока информации с каналов кабельного телевидения в России не было, и сегодня достаточно записать интересные сюжеты с указанных каналов на видеомagneфон и использовать на занятиях. Неужели трудно пригласить на урок ветерана, который даст свою оценку событий, фильмов типа «Штрафбат»? Многие школы города гордятся углубленным изучением таких предметов, как иностранный язык и информатика. Много ли вы слышали, читатель, о школах с углубленным изучением истории, без которой не может вырасти полноценной личности? Неужели позволим, чтоб нынешнее молодое поколение потом назвали Иванами, не помнящими своего родства.

Есть такая кавказская притча. В горном ауле доживает свой век старый джигит, отлично понимает, что стал обузой для своих детей. Старик говорит старшему сыну: «Сынок, я вижу, как тебе трудно ухаживать за мной. Я тебя прошу – унеси меня завтра на самую высокую вершину горы и оставь там умереть. Орлы быстро оставят от меня одни белые кости. Но когда ты пойдешь с горы обратно, то подумай о том, что когда-то с тобой твои дети поступят точно так же». Вспомнил эту грустную притчу, размышляя о грустной судьбе многих артистов, которые свою молодость и талант отдали отечественному кино, а сейчас живут в бедности. В 1999 году в России было 236 артистов пенсионеров, чья пенсия составляет 450 рублей. В этом же году умерла замечательная актриса Люсьена Овчинникова, на кремацию ее тела Госкино России выделило... 65 долларов. Когда милиция приехала арестовать артиста Георгия Юматова, она была потрясена тем, в какой нищете доживал свой век человек, снявшийся в более чем 100 кинофильмах, в которых прославил человека в погонах. После смерти артиста Леонида Филатова, автора и ведущего передачи «Чтобы помнили», исчезла с экрана и его передача. Возвращая в ней память об ушедших в вечность артистах, он повторял: «Артисты – это такие же люди, как все.

Но в отличие от всех артистам требуется, чтоб их узнавали и помнили их имена». На телеканале «ЮГРА» есть замечательная программа Ивана Цыбина «Аллея звезд», которой не имеют центральные каналы в Останкино. Сколько замечательных песен и исполнителей прошло по его «аллее звезд». Почему бы не создать подобного рода программу, посвященную старому и доброму кино, используя опыт Леонида Филатова и Глеба Скороходова, – иначе огромный киноматериал так и умрет в хранилищах.

Хочется верить, что тема войны найдет воплощение в новых лентах, ибо основания для оптимизма есть. Съёмки фильма «Турецкий гамбит» обошлись в 2 миллиона долларов, а прибыль уже составила около 20 миллионов. За информацию о местонахождении бывшего президента Чечни Масхадова ФСБ заплатила 10 миллионов долларов, на которые можно было снять пять «Турецких гамбитов» и прославить в них труд русского разведчика. У нас снято три фильма о разведчике Николае Кузнецове, где правда переплетена с вымыслом, ибо многие эпизоды его довоенной биографии были засекречены. Сейчас это все опубликовано, почему нельзя снять об этом человеке новый фильм?! Какие отличные фильмы выпускают о своих разведчиках англичане, например, сериал о Сиднее Рейли. А сколько разведчиков и агентов работали на советскую разведку, помогли ей завладеть секретами атомного оружия! Трудно представить сколько захватывающих сюжетов для будущих фильмов хранится в сейфах службы внешней разведки России. Как бы они помогли сейчас подрастающему поколению в отличие от бесконечных сериалов про «Ментов».

Оксана РАССОХАЦКАЯ

**Особенности формирования и основные
характеристики культуры русскоязычного
населения Сибири**

Процесс формирования культуры русскоязычного населения Сибири, несмотря на многолетнюю историю исследования, и сегодня остается актуальным. Необходимо отметить, процесс сложения русского в своей основе населения Сибири начался с проникновения русских промысловиков в Восточную Сибирь. Во второй половине XVI в. промысловики имели свои фактории на Новой земле, и, пользуясь морским «ходом», в 1580-90-х гг. осваивали районы пушных промыслов с низовий Енисея. По берегам Енисейской губы и побережьям реки Хатанги образовывались поселения осевших там русских промысловиков, составивших ядро будущего старожильческого русского населения.

Знаковым событием в освоении Сибири стал поход Ермака в 1581г. Падение Сибирского ханства повлекло за собой признание русского подданства предводителями хантыйских и мансийских племенных объединений, части татарских мурз. В результате последовательно возводились опорные пункты: Тюмень – 1586г., Тобольск – 1587г., Пелым – 1593г., Березово – 1593г., Сургут – 1594г. и др. Несмотря на активные военно-административные действия, Сибирь в состав Российского государства входила на протяжении десятилетий, по мере ее освоения русскими переселенцами.

В процессе образования многонационального Российского государства одновременно усиливались и миграции русского населения. Со второй половины XVI в. особенно интенсивно происходило заселение русскими переселенцами среднего Поволжья, Приуралья, южно-русских земель, Донской земли, Сибири.

Изначально Сибирь была землей, населенной сложным по этническому составу аборигенным населением. В бассейне Оби жили угры – ханты (остяки) и манси (вогулы). Крайний Север населяли в лесотундре и тундре различные самодийские племена. Юг западной Сибири занимали сибирские татары. От Оби до берегов Охотского моря, в таежной полосе до южных границ Сибири кочевали эвенки, а на Се-

веро-востоке современной Якутии родственные им эвены (ламуты). К тем же тунгусо-маньчжурам относились группы в Приамурье – нанайцы, удэгейцы, ульчи, орочи. Среди аборигенного населения также отмечены этнические группы тюркского происхождения: сойоты и др., кеты, якуты, буряты, коряки.

В формировании русскоязычного населения выделяют два этапа: XVII-начало XVIII вв. – население с севернорусским комплексом традиций – старожилы, предки которых поселились на «вольных землях». Конец XIX-начало XX вв. – массовое переселение носителей среднерусского и южнорусского традиционных культурных комплексов. Этот этап характеризуется началом процесса интеграции старожильской и позднепереселенческой культур. Современным этапом в освоении Сибири можно считать вторую половину XX в.

Аборигенное население росло численно и развивалось этнически, но основным по численности уже в XVIII в. становилось население русское. По официальным данным, в 1710 г. в Сибири насчитывалось около 314 тыс. русских переселенцев обоего пола, которые на 100 тыс. превосходили местное население, из них 248 тыс. проживало в Западной и 66 тыс. в Восточной Сибири.

Миграционные процессы, адаптация в новых условиях, контакты с аборигенами повлекли за собой изменения в культуре русскоязычного населения, сохранившего традиции прежней родины. Исследователи второй половины XIX-начала XX в., такие как Г. Миллер, И. Фишер, В.К. Андриевич и др., понимали, что приходившее в Сибирь русское население, создавая свое хозяйство, вынуждено было приспособляться к местным природным условиям, а с другой стороны, испытывать известное влияние аборигенного населения и учитывать опыт его хозяйства. В одной из своих ранних работ на основании фольклорного материала и памятников народной культуры Г.Н.Потанин высказывал мысль о трансформации традиционной культуры, приносимой различными русскими переселенцами в Сибирь, и изменении ее черт: «Хоть Сибирь и считают хранительницей древних русских преданий, но это едва ли справедливо. Напротив, здесь разнообразные наречия Европейской России, смешиваясь, взаимно сглаживают друг у друга особенности» .

Традиционно для исследователей различных периодов принято делить русское население Сибири на старожилов, переселенцев и старообрядцев. Данная систематизация позволит нам в полной мере проследить этапы формирования русского населения Сибири, образование локальных особенностей в рамках единой этнической культуры.

О происхождении переселенцев позволяют судить знания разных хронологических периодов и направлений основных переселенческих потоков из европейской части страны в XVII-XIX вв. Достаточно определенно можно сейчас говорить о том, что направления переселенческих потоков за Урал не оставались неизменными. На протяжении четырех веков в Сибирь переселялось население из разных районов России, в результате сталкивались культурные особенности, свойственные населению разных регионов страны.

Проблеме изучения старожильского населения Сибири посвящены работы ряда исследователей конца XX в. – Миненко Н.А., Колесникова А.Д., Вилкова О.Н. и др. На основе детального анализа можно утверждать следующее: сибирские старожилы являются потомками ранних переселенцев русского Европейского Севера, Северного Приуралья, частично среднерусского населения с участием иных этнических компонентов (народы Поволжья, коми), первых землепроходцев, зверопромышленников, служивых людей, крестьян, ссыльных, а также коренных жителей Сибири, влившихся в эту группу через смешанные браки, распространенные на начальном этапе освоения и заселения Сибири.

В XVIII в. шел активный процесс внутрисибирской миграции старожильского населения, имевший большое значение в освоении края. В результате реформ конца 40-х гг. XIX в., а затем отмены крепостного права в 1861 г., в Сибирь хлынул поток переселенцев. Сигуртов П.Т. расположил губернии, из которых они выходили, в порядке уменьшения доли переселенцев: Черниговская, Полтавская, Пензенская, Курская, Вятская, Орловская, Самарская, Рязанская, Тамбовская, Харьковская, Пермская и Витебская.

На единой этнической основе русского старожильского населения выделились узкие этнографические группы (в силу территориальной обособленности или социально-религиозной замкнутости), длительное время сохранявшие элементы культуры в неизменном виде («семейские» в Забайкалье, «поляки» и «каменщики» на Алтае, «кержаки» в Омском Прииртышье и др.). Исследователи для обозначения данных групп переселенцев используют термины – староверы, раскольники, но наиболее употребим в науке термин старообрядцы, поскольку последний больше соответствует сущности явления, потому что дело в разнице не веры, а обряда.

Большую роль в формировании старообрядческого населения сыграла ссылка. Только 22 партии ссыльных старообрядцев были выведены из Польши. Часть переселенцев была выходцами из Ни-

жегородской губернии, различных деревень сибирских уездов, центральной России. Основным отличием староверов от православного старожильского населения, а также поздних переселенцев является сохранение и использование религиозных и культурно-бытовых традиций прежней родины.

Периодом формирования новопоселенцев принято считать конец XIX – начало XX вв. Каждая из групп имеет характерные черты культуры и названия. Основные переселенческие потоки были направлены в Сибирь из Украины и Белоруссии, а также выходцев из Центральной России. Вновь прибывшее население расселялось отдельно от старожилов, образуя новые населенные пункты, поскольку вселение новоселов в некоторой степени ущемляло интересы старожилов и создавало ряд трудностей во взаимоотношениях этих двух групп населения.

Таким образом складывалось представление об образовании в среде сибирского русского населения культуры, свидетельствующей не только о ее областной специфике, но и о самостоятельности. Существовало представление о Сибири как о диком и невежественном крае, в котором русское население, «осибирячиваясь», утрачивало свойственный ему уровень культуры или оказывало «пагубное влияние» на коренное население.

Главной особенностью формирования культуры сибиряков явился сложный процесс освоения территории, в результате которого культурные традиции, характерные для различных групп населения, аборигенного, сибирского и вновь переселившегося, могли переплетаться, видоизменяться, терять свое преобладающее значение. Или, наоборот, развиваться даже у тех, у кого ранее не были широко распространены. Произошло взаимопроникновение традиций различных регионов России, а также этнических культур русского и аборигенного населения. Этот процесс повлек за собой образование региональной традиции в русском народном творчестве именуемой сибирской.

Первые попытки осветить становление культуры русского населения Сибири, связанные с общей проблемой присоединения Сибири к России, были предприняты исследователями второй половины XIX начала XX вв. – Г.Н. Потаниным, А.Я. Щаповым, А. Новоселовым, Н.М. Астыревым и др. В ряде работ выдвигалась точка зрения о становлении особого этнического типа сибиряка со свойственной только ему культурой. В целом А. Новоселов утверждал: «Коренной сибиряк не представляет собой какой-либо особой ветви славянского племени, но нельзя оспаривать того, что все же он образует особый эт-

нографический тип, созданный путем известного отбора. Принесенное им культурное наследие «преломилось под влиянием сибирской действительности, и вылилось в новые формы, нередко значительно уклоняющиеся от основных».

В исследованиях второй половины XIX в. существовали противоположные точки зрения на процесс формирования культуры. Н.М. Ядринцев считал, что русское население, находясь вдали от культурных центров, затрачивало огромные усилия для сохранения традиционной культуры, в результате чего в ряде случаев «даже не независимо от инородцев, оно... отступало от культуры и дичало».

Самобытность русской культуры подчеркивал Д.Н. Анучин. Он считал, что русская народность в Сибири не только не затерялась, но и оказала позитивное влияние на аборигенное население. Объективной в этом вопросе явилась точка зрения А.А. Макаренко, утверждавшего, что «осибирячивание» и сближение с коренными народностями свидетельствовало о своеобразной силе русского населения, его умении приспособиться к новой обстановке и не быть побежденным в борьбе с природой и окружающей обстановкой.

Главный недостаток в работах того времени заключался в слабом изучении исторических корней культуры русских переселенцев Сибири, что было связано с методологически неверным общим подходом к решению проблемы присоединения Сибири к России и оценки этого явления.

Начало полевых исследований по истории культуры русского населения было положено с 1950-х гг. институтом этнографии АН СССР, отдельными исследователями была предпринята попытка обобщения материала по всей территории Сибири, комплексного раскрытия закономерностей сложения русского населения и его культуры на протяжении многолетней истории заселения, т.к. в работах XIX в. освещение проблемы было фрагментарным. Отчеты о проведенных этнографических исследованиях и теоретические посылки, как отмечала М.М. Громыко, доложенные на различных научных конференциях, и опубликованные исследования способствовали упрочению взгляда, что историю сибирского крестьянства, составлявшего подавляющую часть населения дореволюционной Сибири, невозможно рассматривать в отрыве от истории его культуры, органически также связанной и с его социальной психологией.

Таким образом, решение проблемы рассмотрения культуры русскоязычного населения Сибири лежит в освещении основных вопросов: общности русской культуры на всей территории расселения эт-

носа, этнокультурные связи, установившиеся в процессе миграций, и духовный облик русского населения.

Народная культура в ее материальных и духовных проявлениях составляет важнейшую часть истории народа. Без познания основных элементов народной культуры невозможно понять этническую историю народа, его культурные взаимосвязи с соседями, формирование пластов фольклора. Изучение народной культуры немыслимо без учета специфических условий, при которых существовало и развивалось хозяйство того или иного народа, вне связи с хозяйственной жизнью народа во всем ее многообразии нельзя проследить происхождение и причины бытования отдельных черт культуры, ее традиционных элементов, фольклора.

Основные характеристики культуры русскоязычного населения в процессе освоения Сибири позволяют проследить бытование элементов материальной и духовной сторон, характеризующих жизнь сибиряков. Материальную культуру населения широко представляют: поселения и общественные постройки, жилище и хозяйственные постройки, сельскохозяйственная техника и землепользование, орудия и приемы охоты и рыболовства, средства передвижения, техника и организация домашних и сельских ремесел, типы одежды, пищевой рацион и способы приготовления пищи. О духовной культуре позволяют судить: различные обряды и верования связанные со сферами жизнедеятельности населения, народный календарь, фольклор, декоративно-прикладное творчество. Весь этот материал в комплексе дает возможность получить всеобъемлющую характеристику культуры русскоязычного населения Сибири.

Источниковая база о поселениях русских в Сибири многообразна. Наиболее ранние сообщения встречаются в записках различных путешественников, участников сибирских академических экспедиций XVIII в., но они содержат краткие описательные сведения. Первые систематизированные сведения о поселениях указаны в работе И.Г. Георги. Проехав Сибирь до Забайкалья (1768-1774 гг.), он писал: «Жилища россиян суть: города, предместья, крепости, волости, местечки, села, деревни, погосты, сельцы, хуторы, усадьбы, колонии или чужестранцев поселения, мызы, загородные дворы, дачи, остроги».

В последние десятилетия XIX-начало XX вв. шел активный процесс изучения Сибири. Это было связано со строительством Сибирской железнодорожной магистрали, политической ссылкой, которая оказала огромное влияние на развитие культуры, массовым переселенческим движением. В результате был накоплен материал по этапам основания различных типов поселений. Так, Н.М. Ядринцев предложил схему: 1) постройка городов и острогов по мере

завоевания и одновременно с ним; 2) XVI в. – создание первых ямов и станций; 3) XVIII в. – начало казенного заселения трактов и казачьих линий; 4) промышленная, торговая и вольнонародная колонизация. Ряд авторов на основании наблюдений высказывался о четком характере расселения сибиряков в пределах населенного пункта. Проблемой славянского населения в Сибири занимался в 1860-1870 гг. член РГО – П.А. Ровинский, в частности он попытался проследить изменения материальной культуры, в том числе и жилища на новых местах. На основании своих наблюдений он отметил, что жилища «напоминают старинный русский стиль, встречаемый по сию пору в губерниях Костромской, Ярославской, Владимирской, с подклетьями и галереями». Подчеркивал у сибиряков традиционное для России устройство избы: с полатами, лавками и большой русской печью. Каждая из локальных групп русскоязычного населения имела характерные особенности в построении жилища: у старожильского населения постройки имели сходство с великорусскими, с незначительными изменениями, вызванными климатическими условиями. Старообрядцы сохранили старинный стиль русской архитектуры с затейливой резьбой на окнах и крыше. Новопоселенцы в строительстве жилья сохраняли традиции прежней родины. В целом традиционное жилище русскоязычного населения в Сибири сохранило характер построек европейской части России, тем не менее, обладало рядом специфических особенностей.

Одной из составляющих материальной культуры является традиционная одежда этноса. Вопросы по истории одежды сибиряков волновали исследователей XVIII-XIX вв.

Реформы Петра I, направленные на преобразования быта, повлекли за собой изменения в одежде. На основании имеющихся сведений можно предположить, что в Сибири долгое время сохранялись старые формы одежды ввиду широкого распространения старообрядчества, местная специфика одежды формировалась в результате усвоения рациональных форм одежды аборигенного населения, широкого распространения китайских тканей, влияния новопоселенцев. Старинный костюм старожильского населения по общим признакам отвечал характеру традиционного севернорусского костюма в связи с первоначальным миграционным потоком из Северных губерний. В настоящее время виды традиционной одежды продолжают частично бытовать у групп старообрядческого населения.

На основании архивных документов конца XIX в. можно судить о широко развитом земледелии у русскоязычного населения Сибири. В частности, утверждалось, что земледельческие орудия в Сибири луч-

ше, нежели в крестьянских хозяйствах Центральной России, благодаря чему обработка пахотных земель в Сибири также много лучше. Русское население, осваивая совершенно новую территорию со своеобразными почвенно-климатическими условиями, приспособляло к ним технику, вырабатывало хозяйственные навыки и приемы на основе имеющихся традиций.

Сложный этнический состав населения Сибири определил такую черту культуры края, как обостренное чувство национального, что проявляется в постоянном обращении к специфически сибирским темам. Осваивая новые земли, переселенцы приносили с собой собственные традиции культуры из различных регионов России. Впоследствии они частично изменялись, приспособляясь к иным условиям, но в основе своей бережно сохранялись. В ситуации оторванности от привычного уклада жизни праздники и обряды становились знаком связи с родиной, приобретая особый смысл. Сегодня мы встречаемся с элементами повседневной культуры разных регионов в пределах одного поселения. В этом проявляется охранительная функция культуры, когда явления, даже утратив свои корни, видоизменяясь, продолжают существовать. Разные темпы эволюции культуры региона связаны с тем, что слишком много сил шло не на созидание и проявления духа, а на преодоления сопротивления внешней среды, как природной, так и человеческой. Поэтому в культуре русскоязычного населения Сибири выживают те элементы, которые востребованы. Одним из показателей духовной культуры сибиряков являются календарные обряды, обычаи и праздники, важнейшие составляющие традиционно-бытовой культуры народа. Календарные праздники – это празднества, проводимые в установленные традицией дни (или более значительные отрезки времени), которые связаны как со сменой времен года, так и с важнейшими рубежами в хозяйственной, трудовой деятельности людей (земледельца, скотовода, рыбака).

Исследователи первой половины XIX в., такие как Кривошапкин М.Ф., Попов Т., Лопарев Х., Чукмалдин Н. И и др., отмечали, что праздники в сибирской деревне носили массовый характер и превращались во всеобщее веселье. «В Сибири, как и везде, любят праздновать масляницу: варят пиво, моют и чистят в домах, закупают провизию: наконец, при наступлении масляницы все поздравляют друг друга... Все деревенское народонаселение гуляет и веселится; никто не дорожит работой; молодые парни, женщины и девки надевают праздничные наряды, ездят в своей деревне... в гости, катаются с гор или разгуливают по деревне и поют песни» .

Одной из характерных особенностей календарных обрядов и праздников русскоязычного населения Сибири является организация съезжих праздников. Характер съезжих праздников отвечал стремлению к общности не только в пределах конкретного населенного пункта – деревни, но и в пределах волости. Данный вид праздников был приурочен к праздникам церковного календаря второго порядка – Апостолов Петра и Павла, Козьмы и Демиана, Параскевы Пятницы и др. Из ряда источников мы узнаем, что в праздничных увеселениях сибирских крестьян в первой половине XIX в. участвовали не только члены данной деревенской и волостной общины, но и хлебопашцы, приехавшие из соседних волостей, даже из других уездов. Таким образом, праздник был полем реализации стремления крестьян к общности не только в пределах своего населенного пункта. Подобные мероприятия давали возможность сибирскому населению обмениваться информацией с жителями различных мест, тем самым помогали повышать культурный уровень. Вообще, обычаи и обряды народных праздников, посвященных проводам зимы, встрече весны и лета, завершению уборки урожая и другим вехам и датам крестьянского календаря, несли в себе огромный культурно-созидающий смысл. Они включали в себя музыкальные, хореографические произведения малых размеров, театрализованные представления, декоративно-оформительские элементы. На основании вышеизложенного можем утверждать о том, что обычаи и обряды отвечали задачам преемственности поколений, а праздничные действия являются показателем духовной культуры народа, поскольку они представляют собой синтез элементов, составляющих ее структуру.

На основании вышеизложенного отметим, учитывая длительный процесс освоения Сибири, сложные климатические условия, внутренние миграции населения, взаимодействие с аборигенами, на ее территории сложилось русскоязычное в своей основе население со свойственной ему этнической культурой, обладающей рядом характерных особенностей, которые в целом выделяют ее из общерусской культуры. Таким образом, проблема формирования культуры русскоязычного населения Сибири стоит в прямой связи с вопросами об этнокультурных связях, духовном облике русского населения, об общности этнической культуры на всей территории, заселенной русским народом. Поскольку культура, сложившаяся в конкретных экологических условиях, испытывая на себе социально-экономическое воздействие, в свою очередь оказала влияние на состояние русскоязычного населения и отразила уровень его исторического развития.

Лариса ТЕЛЕГИНА

Яркий летописец эпохи

М.А. Шолохов – талантливейший писатель XX века, лауреат Нобелевской премии, чей 100-летний юбилей отмечается в 2005 году.

В его творчестве отражены исторически переломные этапы жизни нашей страны: гражданская война, коллективизация сельского хозяйства, Великая Отечественная война. «Но сегодня Шолохов, один из самых наблюдательных свидетелей эпохи, яркий летописец, в чем-то должен быть прочитан иначе, нежели раньше». Бесспорно, творчество Шолохова, основанное на глубоком знании жизни народа, понимании его дум и чаяний, является поистине народным; оно проникнуто чувством глубокой любви к людям труда. «Все, что мы обнаруживаем у Шолохова, – быт народа, отношение к труду, связь с природным миром, жизнь стариков и младенчества, мужчин и женщин, формы помощи (помоги) казаков друг другу, культ стариков, обряды свадеб, похорон, обычаи гостеприимства, способы обращения и приветствий, народный календарь, сезонно-хозяйственные работы, родительские благословения и проклятия, проводы на войну и встреча с нее, рыбалка и охота, песни лирические и исторические, легенды и бывальщины, поговорки и пословицы, естественные смерти и трагические расправы, войны и революция – это и многое другое вмещает в себя мир Шолохова. В нем, этом мире – история донских казаков, русского крестьянства, вековые традиции нравственных принципов и трудовых навыков, которые сформировали национальный характер, особенности целой страны», – пишет Е.А.Костин.

Главное в этой летописи эпохи – судьба народа, страны. Шолохов учит понимать и ценить людей, знать их бытие, души, высокие стремления и неисчислимые страдания. Писатель становился строгим свидетелем своего непростого времени, а это требовало, чтоб он осознавал всю долю ответственности перед обществом, историей, грядущими поколениями, чтоб он был честен, чтоб те уроки, которые он извлекает из прошлого, были действительно важными и духовно вооружающими людей, чтоб судьбы народные предстали во всей истине, пусть порой и очень горькой, отражали бы противоречия времени и были согреты таким чувством авторского сопереживания, на которое способно лишь большое, любящее, равнодушное к жизни сердце гражданина и патриота.

Уже раннее творчество М.А.Шолохова имеет гуманистическую направленность. Так, в «Донских рассказах» начинающий писатель, прошедший сам дорогами гражданской войны, показал, что война – трагедия народа, она губительна для обеих сторон, приносит невозполнимые утраты, калечит души. Насилие оставляет кровавые следы. Льется кровь: отцы убивают сыновей, те расправляются с отцами, брат идет на брата, сосед на соседа. Инстинкт становится неуправляемым. Шолохов всей мрачной окраской сюжетов высказал свое отношение: недопустимо, аморально, когда люди, разумные существа, приходят к самоистреблению и варварству. Особенно дороги писателю те люди, которые даже в экстремальных условиях сохраняли высокую духовность, если хотите, десять заповедей. Таков герой в рассказе «Алешкино сердце», таков Трофим в рассказе «Жеребенок» и другие. От зарисовок отдельных эпизодов гражданской войны на Дону писатель перешел к созданию исторического романа «Тихий Дон», в четырех книгах которого развернута широкая картина жизни донского казачества. Известно, что литературные споры и дискуссии вокруг романа ведутся на протяжении десятков лет. А началась дискуссия еще в 30-е годы, как только вышли первые тома «Тихого Дона». Особенно страстно она проходила после завершения романа в 1940 году. Разногласия, толки самые противоположные.

Каков нравственный мир казачества? Какие традиции лежат в основе взаимоотношений казаков друг с другом, с природой? Почему именно Григорию Мелехову Шолохов доверил восприятие и толкование всего происходящего в стране? Как относится Григорий к кодексу казачьей чести? Почему Григорий Мелехов не пришел ни к тому, ни к другому стану? Отчего он так неустойчив и что поучительного в горьких уроках его судьбы? Этими и другими вопросами задаются читатели и критики романа «Тихий Дон».

Шолохов не вмешивался в литературные споры вокруг романа, но однажды заметил, что он стремился показать в нем «очарование человека». И мы не можем не согласиться с этими словами писателя. Красотой внутренней и обаянием человека овеян весь роман, и подтверждение тому – в словах исследователя творчества писателя В.М.Литвинова: «Полнота правды. Атмосфера высокой трагедийности. Обращенность к глобальным проблемам мироздания. Во имя кого все это у Шолохова, ради кого поднимаются столь могучие пласты идейности и художественности? Ради Гришки Мелехова, хлебороба, простого из самых простых.

В воображаемой пирамиде общества этот человек может быть в самом низу – самая первичная социальная структура. А у Шолохова он – самый главный.

Навсегда запомнилось, как по-рыцарски гордо держит голову Григорий Мелехов. Однако стоит пройтись по тексту, чтобы вернуться к фактическому: хуторской парень с четырьмя классами образования, едва грамотный; в дни его невероятного взлета штабной офицер Копылов говорит со всей откровенностью: «Даже нося офицерские погоны, ты останешься, прости меня, неотесанным казаком. Ты не знаешь приличных манер, неправильно и грубо выражаешься, лишен всех тех необходимых качеств, которые присущи воспитанному человеку...».

Но именно этого казачину с его «гуторит» и «кубыть» Шолохов ставит в центр высокой трагедии, огромной национальной эпопеи.

Только став Григорием, все с ним пережив, можно понять, что же, собственно, произошло с этим человеком в огне революции. А «со стороны» этого не постичь никому, даже Мишке Кошевому, с которым вместе росли. Рассудить свою судьбу мог разве что сам Григорий Мелехов. Да вот еще ты – читатель.

И Шолохов предлагает: о Григории Мелехове решай как о самом себе.

Судьбу Григория мы прочувствовали буквально шаг за шагом, год за годом, вместе с ним до слез любя эту суровую землю, не раз собирая нервы в кулак, когда подступает смертельная опасность, и жадно дыша полной грудью, когда беда миновала. Врезаются в ладони поводья мелеховского коня, слышишь, как поднятый над головой клинок со свистом рассекает струю встречного воздуха, в сумасшедшем намете уходит под ноги коня бурая донская степь. И на току спину жжет сенная труха, замешанная на рабочем поту. И ты не можешь побороть в себе чувства неприязни к юной Наталье, хотя – не в пример Григорию – отлично видишь, как чиста эта юная душа, как нежно потянулась она к суженому. И словно не Григорий, а сам ты когда-то произнес эти слова: «Здравствуй, Аксинья дорогая...» Стоит только повторить их про себя, как встанут в глазах, будто из твоей собственной жизни, зеленые облачка полузатопленных верб, долетит едва уловимый запах их цветения и прозвучит грудной, сдавленный волнением ее голос: «Мы свое, видно, уж отгугарили... Деревцо-то – оно один раз в году цветет...».

Говоря о романе «Тихий Дон», нельзя не сказать и о надуманных версиях о действительном авторе романа.

Первая версия появилась еще в 30-е годы, якобы М.А. Шолохов использовал рукопись белогвардейского офицера, погибшего во время

гражданской войны. Была создана комиссия от Рапа, в которую среди прочих вошли писатели А. Фадеев, А. Серафимович, Л. Авербах. Выводы комиссии свидетельствовали о том, что версия о плагиате является обывательской клеветой.

Вскоре был выдвинут в качестве «подлинного автора» литератор С.С. Голоушев. Поводом послужила публикация письма Л. Андреева Голоушеву в книге «Реквием. Сборник памяти Л. Андреева». Речь шла о статье Голоушева «С тихого Дона», которую он предложил Андрееву для газеты «Русская воля». Тот отверг рукопись, она показалась ему малохудожественной. Голоушев тогда же опубликовал ее в еженедельнике «Народный вестник» (24, 28.09). Никакого отношения к роману Шолохова статья не имеет. Однако сам по себе этот очевидный факт не интересовал изобретателей сплетни. Ухватились за фразу из письма Андреева: «забраковали твой «Тихий Дон» (т.е. очерки С.С. Голоушева «С тихого Дона»)». И этого оказалось достаточно, чтобы раздуть новые слухи о плагиате.

Третья версия возникает в 1974 году. На этот раз «подлинным автором» становится Ф.Д. Крюков – это видный русский прозаик (1870-1920 г.). Но известно, что Крюков умер в феврале 1920 года, отступая вместе с остатками деникинской армии через Кубань к Новороссийску, а роман «Тихий Дон» охватывает события до 1922 года включительно. Никаких следов работы Крюкова над романом не имеется. Да и сам Шолохов решительно отвергал приписываемый ему факт заимствования.

Известно, что рукописи Шолохова погибли во время бомбежки в Вешенской, но некоторые листы найдены и хранятся в Пушкинском Доме.

Много пишут и говорят в последнее время и о романе М. Шолохова «Поднятая целина» в свете нового подхода к историческим событиям коллективизации страны, проходившим в 30-х годах прошлого столетия. До периода перестройки мы в школе детям говорили о том, что «роман Шолохова «Поднятая целина» – самое яркое и значительное произведение о советской деревне в годы ее коллективизации. В романе «Поднятая целина» дана широкая картина социальной перестройки деревни, показаны трудности и препятствия, стоявшие на пути коллективизации, подчеркнута возрастающая тяга трудового крестьянства к новой, колхозной жизни. В процессе коллективизации, протекавшей в условиях обостренной классово-борьбы, раскрывается руководящая и направляющая роль партии, ее воспитательная

работа, которая преобразует жизнь деревни и сознание людей». Но в период «публикационного бума» стало возможным и прочтение письма М.Шолохова к Е.Г.Левицкой от 18 июня 1929 года, в котором он пишет о фактах творимого беззакония в Нижнее-Волжском крае, в Хоперском округе. Здесь позиция автора очевидна: чувство боли, горечи, гнева переплетаются с чувством подавленности и безысходности.

В сегодняшних критических суждения о «Поднятой целине», пожалуй, наиболее распространенным является мнение, согласно которому Шолохов нарисовал упрощенную, лишенную трагической глубины картину русской деревни в период коллективизации. Но такое суждение не отражает подлинного смысла романа Шолохова. В целом история формирования гремяченского колхоза, поведенная Шолоховым, не производит впечатления достигнутого благополучия. Писатель не упрощает, не сглаживает остроту проблем, стоящих перед рождающимся хозяйством. Даже на финальных страницах романа, писавшихся в 50-е годы, нет примет полного осуществления надежд и чаяний хлеборобов. Автор избегает разговора о результатах хозяйственной деятельности гремяченского колхоза. Как известно, М. Шолохов хотел первоначально назвать свой роман «С кровью и потом». Изменение названия «С кровью и потом», глубоко раскрывающего замысел писателя, его точку зрения на происходящее, на более «благополучное», оптимистическое «Поднятая целина», думается, было вынужденным шагом: так автор спасал главное в своем произведении. Вот что замечал он по этому поводу в письме к Е.Г. Левицкой 29 июня 1932 года: «Боюсь, как бы меня дальше и с «Целиной» не подрезали.» Самому Шолохову название «Поднятая целина» не нравилось, оно претило ему. В том же письме читаем: «На название до сей поры смотрю враждебно. Ну, что за ужасное название! Аж самого иногда мутит. Досадно.»

Мастерство автора «Поднятой целины» с особенной силой проявилось в изображении человеческих характеров. С этим вряд ли возьмутся спорить даже наиболее решительные из сегодняшних оппонентов «Поднятой целины». Действительно, словно реально существующие люди сошли со страниц шолоховского романа и поселились среди живущих: Макар Нагульнов и Яков Лукич, Островнов, Семен Давыдов и дед Щукарь, Кондрат, Майданников и красавица казачка Лушка. Теперь уже трудно представить духовный опыт нашего народа без этих образов, в которых отразились его социальные, нравственные, эмоциональные обретения и утраты. Перечитаем внимательно роман, чтобы еще и еще раз осмыслить

то трагическое, которое передает нам гениальный художник слова, его боль, его надежды, и быть может, это приблизит нас к пониманию шолоховской концепции мира и человека.

И еще одна тема волнует в творчестве М.А.Шолохова – это тема судьбы советских военнопленных. В наше время некоторые критики готовы зачеркнуть прозу Шолохова об Отечественной войне. Но тему эту обойти нельзя. Судьба лейтенанта Герасимова из «Науки ненависти» или судьба Соколова из рассказа «Судьба человека» – это отражение тех реалий военного времени, которые являются проверкой человека на прочность, выносливость, мужество, сердечную теплоту и отзывчивость. Эти произведения учат мужеству и духовной стойкости, сохранению в душе подлинной человечности.

М.Шолохов – подлинно народный писатель в самом глубоком и истинном значении этого слова. Герои его книг – простые, рядовые люди труда. Писатель относится к ним с симпатией, с сочувствием и любовью, он утверждает их неотъемлемое право на счастье, он видит их богатый духовный мир. Книги Шолохова стали поистине летописью эпохи.

Наталья НЕРУШ

**Раскрываем книгу - открываем мир,
или Заметки после праздника**

Хлеб, спички, книга, соль...

Если у двух, трех, двадцати мальчишек и девчонок уложится в голове главная мысль: книга – это прекрасный, образованный собеседник, надежный друг в драматических житейских ситуациях, пастырь и просто уникальная материя познания мира, стало быть, организаторам российского фестиваля детской книги в Нижневартовске можно посчитать итоги успешными.

По памяти.

«Пиковую даму» я прочитала дочери в пять лет. Хотелось хоть что-то почитать для себя, и у меня не было другого выхода, поскольку мой выбор чтения не входил в планы дочери. В течение недели не было никаких проблем уторкать непослушного ребенка на ночь. Из – под подушки извлекался томик Пушкина и.... Почему ей не было скучно? Потому что при архивзрелом сюжете в книге было главное для ребенка – тайна. И язык - прекрасный, понятный по пушкинским сказкам. Всего смысла внимающая мне «аудитория», конечно, не поняла, но не это было главным: Пушкин остался в ее жизни навсегда.

... Я давно заметила, что нижневартовское ОАО «Дом книги» книгами не торгует. А что оно с ними делает? Распространяет?. Пропагандирует? Не точно. Просвещает? Формирует литературный вкус?. Не совсем ...Коллектив Дома книги систематически инфицирует маленьких и взрослых горожан, подобно вирусу гриппа, бактериями страстной любви к печатному слову, заражает каким-то подвижническим миссионерством. Это называется работой с книгой, а по сути является государственным делом. Ведь падение читательского интереса к книге теперь причислено к проблемам национальной безопасности. Это любимая и важная мысль для директора Дома книги Тамары Борисовны Репиной. Вот уже десятки лет, в условиях, когда книга в России была дефицитом, а потом перестала им быть, она стремится вывести продукцию российских издательств, особенно детских, в реестр продуктов первой необходимости. Вот такой получается порядок вещей: хлеб, соль, книга, мыло, спички...А мартовский фестиваль под эгидой

Ассоциации книгораспространителей России и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям – это всего лишь еще один информационный повод запутать в «книжной паутине» неокрепшие детские души. Фестиваль не первый такой в нашем городе. Но такой массовый, пожалуй, впервые.

Каждый день, еще до фестиваля

Если бы отцы-издатели вознамерились посмотреть условия обитания своих детищ, то какие именины сердца устроили бы им в центральном Доме книги! Начну с того, что количество представительских полок для детской литературы здесь равно взрослым, а иногда превалирует. Экспозиции меняются со скоростью проведения книготорговых ярмарок, а то и чаще. Лучшие образцы детских книг, с наиболее удачным оформительским решением, хвастают во весь рост красочными одеждами перед зрителем. То в одиночку блистают, то объединяются тематически под соусом хорошей идеи, например, выставки-продажи новинок из серии «Православная литература - детям». Издания с авторами и текстами, проверенными временем, отведены центральные места на книжных полках. Гарри Поттер не изгоняется, просто он «прописан» в боковом шкафу, заслуженно уступает место Недопеску Юрия Ковалева или Петушку, известному своим Золотым Гребешком еще дворянским и купеческим детям во времена самого Александра Сергеевича. Книжки-малышки «сидят» на расстоянии детской ручонки. До подростковой полки читатель-недоросль тоже дотянется запросто. Книжки-игрушки, конструкторы, миниатюры, календари - алфавиты с русской и английской азбукой, солидные энциклопедии Брема – все на местах в этих уютных торговых залах, скорее напоминающих детскую в хорошей семье (вкупе с мягкими игрушками и аквариумными рыбами). У этих полок в небольшом провинциальном городке, ввиду нехватки выставок и праздничных впечатлений, хорошо ходить с бабушкой или дедушкой, учить буквы и рассматривать картинки. Здесь не рискуешь «порезаться» о взгляд продавца, если до маминой зарплаты еще целый месяц. Что до продавцов, то где еще служебные инструкции переписываются так произвольно и легко: сидела за кассой – стала Марьей Несмеяной в старинном русском сарафане, да вышла на крыльцо, да песней встречает дорогого покупателя.

О книжкиных друзьях-товарищах

Вот и в этот раз закрылись кассы, а вместо продавцов «просыпались» со страниц книг на ступени торгового дома литературные герои. В костюме цвета «хаки» и кедах о медвежьей голове – явно Михаил Потапыч. В кафтане – удалой молодец из русских народных сказок. И Петрушка женского рода нарисовалась... Попечители и ревнители книжного дела, если они при этом еще и книготорговцы, понимают, что в государственном деле – повышении грамотности населения – с детской аудиторией игровая форма срабатывает хорошо. И семейный городской фотоальбом – фотостенд «Так мы начинаем любить книгу» – идея славная. Этот фотостенд – давняя традиция Дома книги. Он клеится из фото, отобранных из семейных альбомов нижевартовцев. Мысль потаенная здесь тоже есть: книга – есть объединяющая семейная идея. Читать всей семьей, с фонариком под одеялом, собирать домашнюю библиотеку, судя по сюжетам фотографий, и завидно, и заразительно. Это все равно, что традиционный семейный ужин.

По памяти.

Мне шесть лет. В наш дом приходит книгоноша Нюша. Были такие книгоноши-продавцы на выездной торговле. Папе приносит учебную литературу для вуза. Маме – романы и домоводство. Мне на диване раскладывают детские книги. Пока Нюша пьет чай с мамой, я целый час рассматриваю картинки в новых книгах. Так по моему выбору в семейной библиотеке появился гослитиздатовский томик «Мертвых душ» Гоголя, 1961 года издания. С рисунками Н.Агина и П.Боклевского на вклейках. На полях этой книги есть заметки, сделанные рукой папы, брата, мои мысли, заметки дочери. Как по-разному читали мы один и тот же текст! Теперь этот том уже семейная реликвия. Я беру его в руки и неизменно вспоминаю с благодарностью родителей. Они научили меня любить книгу.

Читающие семьи – золотой фонд Дома книги. Нужен соратник в акции «Горожане – детям», книгочен откликнутся на призыв и принесут добровольно из семейных библиотек книги для подарков и призового фонда фестиваля. Тамара Борисовна настоящих книголюбов знает и обязательно балует их новинками книжных ярмарок. Книжный раритет, миниатюра или редкое репринтное издание не ускользнет мимо ее глаз: знает, кто чем интересуется, обязательно привезет новинки на продажу и в частные коллекции.

Она и с нижевартовскими писателями на дружественной ноге. Краеведческая литература, художественная местных писателей всег-

да имели свой статус и свое подобающее место на полках в Доме книги. И любовь эта взаимна. Маргарита Кузьминична Аниспмкова хоть и не смогла присутствовать на празднике книги, а с нарочным передала свои произведения с автографом для призового фонда. Приняли близко к душе фестивальную затею директора Т.Репиной и нижевартовские писатели Н.Смирнов, Г.Кузнецова, А.Кузьмина, А.Дарьина из литературного объединения «Замысел»: и речь держали, и книги свои дарили, и «жюрили» участников многочисленных конкурсов и викторин, оценивали и первый писательский школьный опыт.

Как показал фестиваль, доморощенных талантов: чтецов, поэтов и прозаиков в сибирской глубинке хватает, и неожиданных талантов тоже. О таких ребятах, как Тимур Ахметшин, Кристина Новоселова, Ольга Кисилева, Людмила Лукимова мы уже можем говорить как о продвинутых читателях, как о родительской победе или победе учителей словесности. Увы, в общей ребячьей аудитории последнего книжного фестиваля Нижневартовска их оказалось немного.

...В моем классе каждый второй ученик был рифмоплет, да и читали мы не только учебники. Поэму Лермонтова «Сашка» в пятом классе не знал только Вовка Погорельский. Ему поэму одноклассники просто пересказали.

От символа и до исхода дней

Признаюсь, сердце неприятно заныло, когда бойкий участник викторины назвал автора «Живых и мертвых» Симоновым, с ударением на второй слог. Утешила себя тем, что вопрос о «военных» книгах прозвучал не по программе и не по возрасту. Но дети слабо представляли себе, сколько братьев у оловянных солдатиков, имена трех медведей и трех поросят, имена спутников Элли, что шли вместе с девочкой в Изумрудный город. Мало кто сам назвал произведение, в которых действовали овощи и фрукты и популярную в нашей стране сказку, в которой герои решали жилищную проблему.

Подумаешь, велика потеря, зато многие из них знают WORD и свободно владеют Интернетом, – воскликнут мои оппоненты. Увы, за пустотой невинного незнания, как правило, спрятаны неумение трудиться в физическом смысле этого слова, слабая работа души, языковая и стилистическая неграмотность, несвязная и неяркая речь, отсутствие логики, памяти и воображения, и – скука смертная, которая выливается в неосмысленное топтание в подворотне и отзывается поиском сомнительных удовольствий.

Жизнь маленького человека, любящего книгу с младых лет, протекает в реальном и воображаемом мире, и этот раздвинувшийся мир звучит громче и окрашен всеми мыслимыми эмоциями и цветами радуги. И ключик к этому миру книга – она подобна ключу от воображаемого очага в каморке папы Карла, она – язык общения, маркер и пароль для посвященных. Книги – это «переплетенные» люди, сказал А.Макаренко, и нет более точного попадания в суть пространства, создаваемого твоим взаимоотношением с литературой.

У каждого маленького гостя фестивального дня на груди был приколот символический знак книги. Думаю, что организаторы праздника – сотрудники Дома книги и педагоги – крепили его с большой надеждой. Может быть, он и останется всего лишь символом дня, частью российской эмблемы фестиваля, но как угадать случай, который заставит читателя открыть книгу в первый раз, или открыть ее со свежим взглядом или с новым пытливым интересом? Книжная фестивальная традиция коснулась в этом году не только столиц и крупных городов, ее поддержали в провинции небольшие городки, подобные Нижневартовску.

...В течение нескольких часов праздника магазин не продал ни одной книги, но сколько новых благодарных читателей он приобрел за это время! Так, может быть, самая читающая страна когда-нибудь и вернет себе самый почетный титул в мире?

Василий ЗОЗУЛЯ**Нравственность как основная этическая категория
в романе «ЭХО» Маргариты Анисимковой**

Когда книга издаётся тиражом в 2 тысячи экземпляров, то, вне зависимости от спроса, она становится раритетом. А потому всякое стремление любого, кто осмелится взять на себя смелость критика, высказать своё суждение, претендующее на полноту и объективность, может быть подвержено сомнению, как мнение сугубо частное и не относящееся к тому мнению, которое разделяет или, если хотите, объединяет большинство читающей публики. Но сам одинокий голос как раз тем и хорош, что ему становится порою по силам то, что, собственно, недоступно читающей массе, а именно: отделить семена от плевел. И здесь, в случае удачи, зависящей от степени вложенного труда, количества энергии, этот голос вполне может определить мнение большинства. Строго говоря, такое положение вещей, само по себе, является опасным и шатким, и потому требует от критикующего, прежде всего, быть человеком более совестливым, нежели честолюбивым. Преобладание совести – определяющее качество в жизни вообще для человека, а для человека, надо сказать, публичного – в особенности. Понимание степени лжи и её роли, а также умение определять её не только в словах автора, но и в своих собственных – вот это есть то, что способно привести критикующего к истине. Это не значит, что об этой степени надо говорить всегда и непременно прямо, думаю, что нет. Иногда и использование намёка вполне достаточно для выражения всей полноты мысли. Но тут, опять же, всё зависит от места, времени, избранной формы выражения и, видимо, как бы нам не хотелось, это условие не изменить. Если стараться придерживаться этики и, не смешивать ложь художественную и ложь бытовую, то можно рассчитывать на более ясное понимание предмета разговора. Потому как вымысел в литературе и жизни, проистекая из одного источника – человека, тем не менее, служит разной цели, при всех возможных вариантах сходства. Другое дело, когда это условие может не всегда совпадать не только с внешним, уже сложившимся мнением в обществе, но также и с самим «внутренним миром» критикующего. Вот почему и происходит, надо сказать, такая неприятная, а отчасти и досадная вещь, когда мнение человека авторитетного, иногда принято называть «частным» и не учитывать в дальнейшем, даже при крайней необходимости, а если и упоминать его в качестве ссылки, то только лишь в

одном случае, а именно: в контексте исключения, и не более. Рассуждение о книге вышедшей вдали от метрополии, и известной в этой самой метрополии очень немногим – занятие такое же рискованное, как и о книге известной. Потому как в том и другом случае, дело может окончиться попросту ничем, что не всегда плохо для самого критикующего, но недопустимо для книги, и тем более, книги нравственной. Задача определения является ли книга нравственной – может и не ставится критиком, это дело ныне перешло в разряд произвольных. Но то, что об этом всё же необходимо задумываться при написании рецензии, остаётся фактом неоспоримым. В не столь давние времена, когда господство цензуры было тем самым «красугольным камнем», который определял развитие отечественной культуры вообще и каждого вида искусства в частности, подобная мысль не казалась «странной». Это было естественным ходом событий. С падением нравов и их «пересмотром» в пользу некоей «свободы», появилась острая необходимость рассматривать новые издания именно с этой, подзабытой, нравственной стороны. Острота эта не надумана, а проистекает из того, что поток книжной продукции, регулируемый стихийными рыночными отношениями, нуждается с эстетической точки зрения в нравственном осмыслении. Не секрет, что модное «быстрое питание» в закусовых – приводит к гастрозаболеваниям. К подобному, если не большему вреду, но уже в духовной сфере приводит и «лёгкое чтение», наводнившее книжные прилавки. Остановить этот пенящийся поток литературная критика не в силах, но формирование мнения, хотя бы у части общества, по поводу определённых видов произведений, и выделения из этой массы наиболее нравственно значимых – задача ей вполне доступная и разрешимая.

Роман «ЭХО» М. Анисимковой, несмотря на свою историческую сюжетность повествования (основное действие развивается с начала первой и почти до самого конца третьей четверти XIX века на Урале, в среде золотодобытчиков), можно назвать произведением личным. Об этом свидетельствует не только само авторское вступление (о нём речь пойдёт особо), но и та неизменная, повторяющаяся в отдельных женских образах крепостных особенность характера, которую принято выделять из целого ряда душевных качеств человека, давая определение ей как *д у х о в н о й ч и с т о т ы*. Именно в этом можно усмотреть авторскую позицию. И позицию, необходимо отметить, как во многом трагическую, т. к. автор не случайно возвращается к ней на протяжении всего романа. Речь не идёт о том, насколько автор соотносит с судьбой той или иной героини собственную судьбу (хотя и это полностью исключить нельзя, ввиду авторской симпатии), дело

обстоит в другом: почему автор ставит ударение? что им руководит? Чтобы понять это, следует обратить внимание на авторское вступление, а в особенности, на его заключительную часть. Именно в ней выражена вся соль романа. По сути, это и есть окончание романа, хотя и вынесенное автором в самое начало. Подобный писательский приём позволяет «стереть» грань между «вчера» и «сегодня» в произведении, а также вывести художественный текст на уровень документальности, что само по себе уже претендует на историческую актуальность и востребованность. Классические образцы литературы рассматриваются именно в свете их необыкновенного правдоподобия, где грань между вымыслом и реальностью становится условной, и читатель готов верить в то, что описываемые события происходили в точности, так как они представлены в книге. Произведения Достоевского, Булгакова и некоторых других перешли в разряд культовых благодаря идеализации читателем художественного произведения, возведению его в ранг образца поведенческой модели (необходимо добавить, что подобное происходит и с другими образцами культуры). Но подобный «переход» обусловлен не только читательским желанием «верить во что угодно», сам текст произведения, его стилистическая и, что немаловажно, смысловая направленность, корректирует сознание читателя в заданное автором направление. Ответственность, лежащая на авторе, в этом случае трудно поддаётся оценке, если поддаётся вообще. Невозможно предугадать все возможные варианты развития событий на данное произведение, потому как они могут иметь развитие сколь угодно долгое по времени и влиянию на человеческие судьбы, т.е. пока будет существовать такая положительная потребительская черта как потребность в чтении. Поэтому нравственная книга или нет, вот это то, что должно быть основным в оценке. Ни что другое не может и не должно быть выше этой меры. Если взята для анализа небольшая часть художественного произведения (как, скажем, в нашем случае), она даёт, прежде всего, понятие о писателе как о личности, его душевном укладе.

Именно это формирует его творчество, его мастерство. Ввиду небольшого объёма вступления к роману, а также полученного согласия от автора на использование текста, он приводится полностью, без каких-либо купюр:

«Моя бабушка, когда шла на реку по воду, брала с собой большой старательский ковш. Поставив вёдра на берегу, она набирала в ковш речной песок и начинала его промывать. Крупные гальки, камушки, стучавшие о стенки ковша, выбрасывала, подставляла его под чистые струи воды. Скоро на дне оставался чёрный осадок песка – шлих.

Поднимая на плечи коромысло с полными вёдрами воды, мы возвращались домой.

На следующее утро, когда из дома все уходили, бабушка показывала мне ковш, в котором в печи она «выпаривала» шлихи. На дне ковша блестели маленькие крупички зернового золота. Она называла их «таракашками» и, осторожно вынимая, клала на бумажку, сворачивая её треугольником.

– Тебе на конфеты, – шептала она.

В один из светлых летних дней она позвала меня пойти с ней на прииск Преображенку, где в магазине скупалось золото.

– Только не реви, сказала она, увидев мою радость. Я бежала за ней по узкой тропе, проторенной между увалами. В высокой траве неистово жужжало комарьё: кусало меня, лезло в глаза, нос, уши, но я молчала, вытирая ладонями слёзы. Перед подъёмом на скалу бабушка остановилась, молча обтёрла подолом фартука моё заплаканное, искусанное комарами лицо и подала руку.

Подъём на скалу был крутым. И вот мы на вершине! Перед нами раскинулась необъятная ширь тайги, внизу узенькой лентой извивалась река, над головой низкие облака, под ногами камни, покрытые лишайниками и мхами. И ветер! И ни одного комарика, только осины трясущимися листьями шептались, примостившись на выступах скал.

Передохнув, бабушка долго и пристально глядела вниз.

– Там, за Сухим Логом, был наш прииск, – сказала она.

Тогда мне было невдомёк, что там, на прииске, прошла её молодость.

И вдруг, приложив ладони к губам, она крикнула каким-то особенным, пронзительным голосом, и сразу вся округа наполнилась им. Подхваченный ветром голос полетел к небесам, над безбрежной тайгой, ударяясь о выступы скал. Я, открыв рот, оглядывалась по сторонам...

– Это эхо! – вздохнув, проронила бабушка. – Оно уже слетало на наш прииск, а нам с тобой никто не ответил. Знать, и Мишка Чудинов уже перестал ходить к отвалам на промывку песка, а то непременно бы отозвался.

Мы ещё долго стояли с ней на ветру, прислушиваясь к затихающему эху. С грустью в глазах бабушка взяла меня за руку, и мы пошли в глубь леса. Скоро за перевалом показались крыши изб прииска Преображенки.

Раскаты бабушкиного эха я слышу и теперь, и мне бывает грустно от того, что мы разучились слушать эхо собственной памяти».

В ткань простого, незатейливого авторского повествования включено неожиданное, совершенно неадекватное действие одного из персонажей вступления, а именно: бабушкин неожиданный крик порождает горное эхо. Нетипичность поступка, его эксцентричность вполне очевидна. Нет оснований не доверять автору в подлинности события. Но не каждое подлинное событие, необходимое на первом этапе как отправная точка повествования, включается автором в окончательную редакцию произведения. Часто оно видоизменено автором так, что от него остаётся только одно настроение, переданное на последующих страницах рукописи косвенным методом, или автор вовсе отказывается от него в пользу другого, но тоже значимого, на его взгляд, события. Здесь же имеет место быть, как утверждает автором, событие реальное, но его «реальность» не остаётся что называется уделом прошлого, а переходит в авторской интерпретации в категорию интуитивистскую, что не может не вызвать к себе доверия, так как такая позиция предполагает некий духовный образец, который может быть принят обществом. Но может ли современное общество принять этот образец за непреложное правило для себя? Пожалуй, что нет, и нет по причине того, что очевидно, речь идёт о той духовной категории, от которой, по разным причинам, само общество периодически отходит и возвращается. Изменение в общественной нравственности в ту или иную сторону, отказ от чего-либо, или же наоборот, принятие его, – есть свидетельство какого-либо качественного этапа переживаемого этим обществом и каждым отдельным его членом. Причём, эти этапы могут и не совпадать по времени, тем самым являя собой признаки, предвещающие всеобщее изменение в нравственности или же показывающие затухающее влияние этого изменения и начало нового этапа. Из авторского вступления становится ясно, что сам автор занимает позицию срединную, пограничную. Выражается эта позиция в осознании самим автором нравственного наследия, и в тоже время не отделения себя от общества и сожалением об утрате этим самым обществом одного из своих важных элементов нравственности. Сам автор определяет этот нравственный элемент как «эхо памяти». Если рассматривать внимательно сущность нравственности, то, как показывает жизнь, нравственность и не предполагает у себя второстепенных элементов, от которых можно отказаться без ущерба для общественного сознания. Как подтверждение этим словам может служить характерный пример из недавней истории, когда отказ от совести как от химеры в нацистской Германии привёл к ужасающим последствиям для всего мирового сообщества – Второй мировой войне. Сама эта

тема причины и следствия столь обширна, а о Второй мировой войне создано достаточное количество исследовательских работ, то останавливаться подробно на этом мы не станем, а проведённой параллели вполне достаточно для разъяснения всей важности каждого элемента нравственности. Обратим внимание лишь на то обстоятельство, что автор «Эха» Анисимкова напоминает о важности нравственности для человеческого общества. Как писателю ей дано улавливать то невидимое, что ещё только едва наметилось в воздухе, отсюда – и её тревога, отсюда – и не проходящее чувство одиночества. Чувство, которое не оставляет каждого подлинного писателя. Определение подлинности писателя и состоит как раз в его понимании и трактовке истины. И потому обращение автора к опыту предков в романе (и не только в этом) – сродни возвращению в невинность.

ВИДИНЕЕВ

Владимир Николаевич

в 1978 году окончил Пензенское художественное училище им. Савицкого К.А. Участник персональных, городских, окружных, областных и всероссийских выставок. С 2000 года член Союза художников России.

Живет в Нижневартовске.

КУРАЧ

Николай Гаврилович

участник городских и окружных выставок, из них 12 персональных. В 2001 году присвоено звание лауреата премии ХМАО «За развитие культуры малочисленных народов Севера».

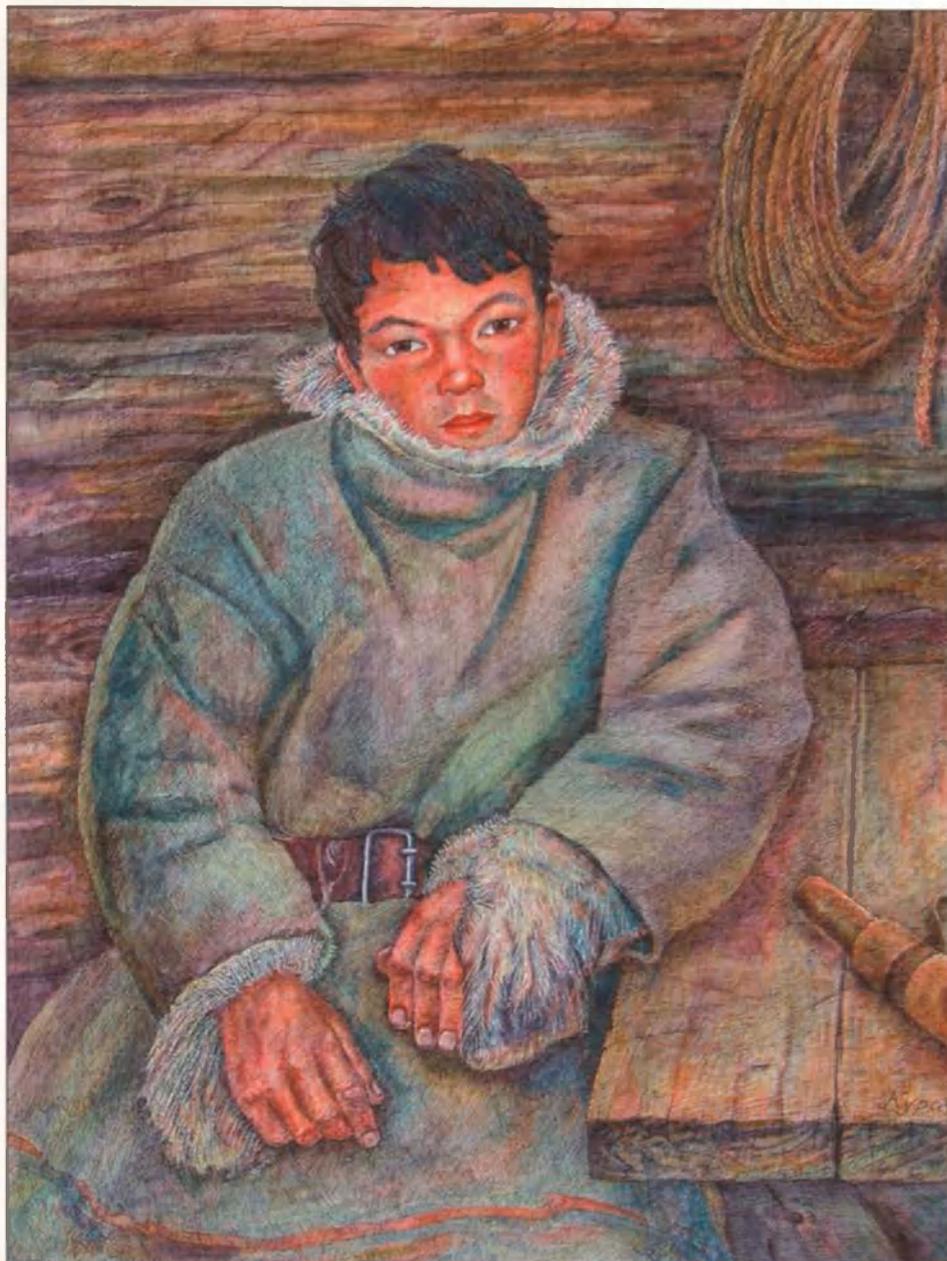
Живет в Нижневартовске.

Церковь «Сорока мучеников»
р.55 х 70 см., холст, масло.
2002 г.

«Белый храм»
р.60 x 70 см., холст, масло.
2002 г.

«Портрет молодого оленевода»
р. 55 x 45 см., акварель, тушь, перо.
2004 г.

«Стойбище Ефима Кунина»
р. 56 х 42 см, акварель, тушь, перо.
2004 г.

17 декабря 2004 года – силами городской центральной библиотеки и литературного объединения «Замысел» издана книга «Лидер» Владимира Филиппова.

24 декабря 2004 года – в городской центральной библиотеке состоялась презентация третьего выпуска (первого литературно-художественного альманаха) «Зори Самотлора», изданного на средства спонсоров – промышленных предприятий города.

11 ноября 2004 года – на V конференции писателей Сибири и Урала в г. Ханты-Мансийске нижевартовской писательнице Альбине Кузьминой вручено удостоверение члена Союза писателей России. В Нижневартовске это седьмой член СП России.

21 января 2005 года – в литературной гостиной состоялась встреча с гостем из Тюменской писательской организации, членом Союза писателей России Александром Петровичем Мищенко.

4 февраля 2005 года – поэты Нижневартовска участвовали в жюри межвузовского литературного конкурса студентов в Южно-Уральском государственном университете.

25 марта 2005 года – в Нижневартовске впервые прошел фестиваль детской книги «Раскрываем книгу – открываем мир», по инициативе и при поддержке федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям, Российского книжного Союза и Ассоциации книгораспространителей России. Организаторы детского праздника – Дом книги и литераторы города.

22 апреля 2005 года – литературной странице «Иван-чай», издаваемой при городской газете «Местное время» литературным объединением «Замысел», исполнилось 10 лет.

Июнь 2005 года – Нижневартовск отметит 30-летний юбилей фестиваля искусств, труда и спорта «Самотлорские ночи». Литераторы города примут участие в празднике.

10 декабря 2005 года – 75-летний юбилей Ханты-Мансийского автономного округа. Литературное объединение «Замысел» ждет от нижевартовцев интересных материалов.

Лебедев–Кумач Василий Иванович (1898 – 1949 гг.)

– русский поэт. Один из создателей советской массовой песни:
«Песня о Родине», «Марш веселых ребят», «Священная война».

Твардовский Александр Трифонович (1910 – 1971 гг.)

– русский поэт. Поэмы: «Страна Муравия», «Василий Теркин»,
«Дом у дороги», «За далью даль»...

Друнина Юлия Владимировна (1924 – 1991 гг.)

– русская поэтесса. В лирических стихах – память о Великой
Отечественной войне: «Тревога», «Не бывает любви несчастной»,
«Окопная звезда»...

Симонов Константин Михайлович (1915 – 1979 гг.)

– русский писатель. Поэмы, стихи. Роман-трилогия: «Живые
и мертвые», «Из записок Лопатина», «Дневник военных лет»,
«Размышление о Сталине».

Майоров Николай Петрович (1919 – 1942 гг.)

– русский советский поэт. Книга стихов: «Мы».
Пафос гражданственности. Погиб на войне.

Фатьянов Алексей Иванович (1919 – 1959 гг.)

– русский поэт-песенник. «Поет гармонь», «Соловьи»,
поэма «Хлеб».

ЗОРИ САМОТЛОРА №4

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Фото и дизайн Альберт Вахитов

Подписано в печать 06.05.2005 г.
Формат 42x62/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Petersburg. Усл. печ. 9,12.
Тираж 350 экз.

818 NIZHNEVARTOVSK

•1904951060•

Корректор Ю. Насонова

Верстка и печать ЗАО "Редакция газеты "Нефтяник".
Тюменская обл., ХМАО-Югра
628606, г. Нижневартовск, пр. Победы, 16.

